

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PG
3917
P4

PERETTS
MALORUSSKIIA VIRSHI
I PIESNI V ZAPISIAKH
XVI-XVIII vv.

Peretti, V. N.

"

В. Н. Перетцъ.

ЮРУССКІЯ ВИРШИ И ПѢСНИ

ВЪ ЗАПИСЯХЪ XVI—XVIII ВѢКОВЪ.

XV—XXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лѣт., № 12.

1899.

ЛК

Peretti, V.N.

В. Н. Перетичъ.

МАЛОРУССКІЯ ВИРШИ И ПЪСНИ

ВЪ ЗАПИСЯХЪ XVI—XVIII ВЪКОВЪ.

XV—XXII.

——

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лѣт., № 12.

1899.

ЛК

РГ3917

Р4

v.2

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русск. языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. IV (1899 г.), кн. 4, стран. 1218 — 1303.

XV.

Первые памятники искусственной стихотворной поэзіи, съ ясно отмѣченнымъ уже характеромъ похвальнаго посланія или оды или увѣщанія—таковы изданные выше стихотворные опыты Герасима Смотрицкаго, Андрея Рымши и другихъ—наводятъ насъ на мысль: что знала старая московская и кievская Русь о стихотворствѣ и какими руководствами и указаніями могли пользоваться по этой части предшественники, современники и ближайшіе потомки названныхъ стихотворцевъ?

Выше было отмѣчено, что съ первыхъ же опытовъ въ юго-западной русской литературѣ появляются два вида стиховъ: одни—неправильные, съ произвольнымъ числомъ слоговъ и отличающіеся отъ прозы только рифмою; другіе—плавные, построенные по польской силлабической системѣ, съ преобладаніемъ тринадцати-, двѣнадцати- и одиннадцати-сложныхъ размѣровъ.

Но польское вліяніе сказалось не сразу: исторія его борьбы и лишь постепеннаго завоеванія своего мѣста открывается изъ обзора старинныхъ руководствъ къ стихосложенію и стоитъ въ связи съ постепеннымъ проникновеніемъ польскаго вліянія въ училища западной Руси, гдѣ первоначально преобладаютъ славяно-еллинскіе элементы, позже—берутъ перевѣсъ новыя вѣянія и школы перестраиваются по типу католическихъ, съ господ-

*) Продолженіе.—См. «Извѣстія», т. IV, кн. 3, стран. 869 слѣд.

ствуюющимъ латинскимъ и польскимъ литературнымъ языкомъ, учебниками и приѣмами обученія.

Съ цѣлью выясненія вопроса, чтò знала древняя Русь о поэзіи и о стихотворствѣ мы ниже соберемъ хотя небогатый, но любопытный матеріалъ, показывающій, съ чѣмъ пришлось бороться польскому вліянію въ его поступательномъ движеніи на югозападную Русь въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Уже въ первое время славянской письменности, при царѣ Симеонѣ (893—927 гг.) появляются стихотворенія, на славянскомъ языкѣ въ подражаніе шестистопнымъ ямбическимъ, бывшимъ въ модѣ у византійцевъ: такова «Похвала царю Симеону», «Прологъ» Константина Болгарскаго, и азбучная молитва — изданные проф. А. И. Соболевскимъ, съ возстановленіемъ, насколько возможно, ихъ размѣра ¹⁾. Уже въ Изборникѣ Святослава 1073 г. (ркл. Синод. библ. № 30) читается статья византійца Херобоска «Георгіа Хоуровска о образѣхъ», гдѣ объясняются приемы украшенной рѣчи: метафора, метонимія, просопея, иронія и др. ²⁾. Но эти немногіе намеки на то, чтò такое стихи и къ какимъ искусственнымъ построеніямъ рѣчи прибѣгаютъ ораторы и поэты — едва ли могли оказать вліяніе на созданіе искусственной поэзіи: по крайней мѣрѣ образцовъ таковой до насъ не дошло, хотя рукописная литература достаточно выяснилась благодаря описаніямъ и изслѣдованіямъ. Эти стихотворенія — были прочно забыты, т. е. была забыта ихъ стихотворная форма, хотя сами они переписывались часто, особенно азбучная молитва, начинающаяся словами «Азъ въскресохъ отъ мѣртвыхихъ»: кромѣ указанныхъ издателемъ ³⁾ мы можемъ указать еще списки: Имп. Публ. библ. F. I, № 739, л. 233; Погод. № 1594, л. 10 об.; Волокол. библ. M. D. Ak. № 659, л. 19; Тр.-Серг. Лавры № 176 (1853) л. 179, Тр.-Серг. Лавры № 780 (1632);

1) А. И. Соболевскій, Церковно-славянскія стихотворенія конца IX — начала X вѣковъ («Библиографъ», 1892 г. № 12. и отд.).

2) Ф. Буслаевъ, Историческая хрестоматія. М. 1861, столб. 267—278.

3) А. И. Соболевскій, тамъ же («Библиографъ» стр. 382).

варианты значительно отходящие от древняго текста—Волокол. б. № 573, л. 291 об. и № 551, л. 302. Позднѣйшій текстъ «Пролога»—въ Волокол. библи. № 573, л. 292.

Только въ XVI в. появляются статьи, знакомящія читателей съ родами стиха, съ акростихомъ. Позже, при печатныхъ грамматикахъ статья о стихосложеніи—является почти неизбѣжной. Эти-то памятники гораздо болѣе имѣютъ значенія для насъ, и съ нихъ мы начинаемъ свой обзоръ.

Первое мѣсто въ немъ должно занять упоминаніе о тѣхъ статьяхъ Максима Грека, гдѣ онъ касается вопроса о стихосложеніи. Этому роду литературы Максимъ Грекъ придавалъ большую цѣну и знакомство съ поэзіей считалъ признакомъ истинной учености, какъ говоритъ его статья «о пришельцахъ философахъ». Здѣсь—предупредивъ читателей, что много есть людей, которые обходятъ грады и земли съ разною цѣлью и изъ нихъ не всѣ вкусили «художнаго вѣдѣнія книжнаго», хотя и хвалятся, что все знаютъ, Максимъ Грекъ пишетъ: «праведно разсудишь оставити вамъ, господамъ моимъ, мало строкъ списанныхъ мною еллинскимъ образомъ мудрымъ, на искушеніе всякаго хвалящася. Аще нѣкто по моему умертвіи будетъ пришедъ къ вамъ, иже аще возможетъ превести вамъ строкъ тѣхъ по моему переводу, имите вѣры ему, добръ есть и искусень; аще ли не умѣетъ совершенно превести по моему переводу, не имите вѣры ему, хотя и тмаи хвалится. И первѣе спросити его: коею мѣрою сложени суть строки ти? и аще речеть: иройскою и елегиньскою мѣрою,—истиненъ есть. Еще рцйте ему: коликими ногами (т. е. стопами) обоя мѣра совершается? и аще отвѣщаетъ, глаголя, яко иройска убо шестію, а елегіяка пятію, ничтоже прочее сумнитесь о немъ: предобръ есть, примите его съ любовію и честію»¹⁾.

1) Исслѣдованія по русскому языку, т. I, 1895, И. В. Ягичъ, Разсужденія южнославянской и русской старины о ц.-слав. языкѣ. Стр. 591—592, по рукоп. 1587 г. Въ цитатѣ правописаніе не сохранено. Тоже см. Сочиненія пр. Максима Грека, изд. при Казанской Дух. Ак. ч. III, стр. 286—287.

Изъ предложенныхъ примѣровъ знавшіе греческій языкъ могли ознакомиться съ двумя родами стиховъ, но таковыхъ зна-токовъ было немного и самые стихи были переданы на славянскій языкъ прозою. Нѣсколько понятнѣе и доступнѣе для читателя были статьи того же автора объ акростихѣ, въ которой упоминается о ямбическомъ размѣрѣ и приводится примѣръ его. Это—вторая часть посланія къ нѣкому другу «въ немъ же сказаніе тріехъ нѣкихъ взысканій, нужныхъ всякому рачителю книжному».

Нѣкіе творцы каноновъ, чтобы охранить свой трудъ отъ тѣхъ, которые любятъ заимствовать и присвоивать чужіе труды, изобрѣли «акростихиду», что по-русски будетъ — «краестрочіе» или «краегранесіе»; «и ово убо сотворено есть ими жъ по алфавиту, сирѣчь по азбукѣ, ово же по строкѣ сложени мѣрою намвикою, еже являетъ или силу всего канона, или хвалу содержитъ пѣваемому святому». Далѣе, какъ примѣръ акростиха Максимъ Грекъ приводитъ канонъ на Благовѣщеніе: «*Ἀδέτω σοι δέσποινᾶ*... приписываемый Теофану, расположенный по алфавиту, и другой канонъ Іосифа, поемый въ субботу пятой недѣли поста, построенный такъ, что совокупность первыхъ буквъ отдѣльныхъ стиховъ по порядку, даетъ первый стихъ канона «*χαράς δοχεῖον, σοὶ πρέπει χαίρειν μόνη*» и имя автора: «*Ἰωσήφ*»¹⁾).

Греческіе примѣры едва ли могли дать поводъ къ подражанію, и можно съ увѣренностью сказать, что объясненіе Максима Грека не вызвало со стороны русскихъ опытовъ стихосложенія. Эти опыты появились позже совершенно независимо отъ изложеннаго и даже первыя печатныя грамматики XVI—XVII в. мало содѣйствовали ихъ появленію.

Въ старѣйшей изъ извѣстныхъ намъ славянскихъ грамматикъ XVI в., именно въ *Ἀδελφότης* 1591 г. изданной въ Львовѣ²⁾

1) Ягичъ, Разсужденія о ц.-сл. яз., стр. 592—3, по той же рукоп. Рум. Музея.

2) Подробно описана И. Каратаевымъ (Описаніе славяно-русскихъ книгъ, т. I. 1883, стр. 245). Объ этой грамматикѣ см. статью Кир. Студиньскаго.

мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на правила сложенія стиховъ, хотя неизвѣстный авторъ на оборотѣ заглавія помѣстилъ два четверостишія на гербъ города Львова, а на оборотѣ послѣдняго листа—двустипіе, по-гречески и переводъ его двустипіемъ же по-славянски. Если же изслѣдуемъ немногія косвенныя указанія на мнѣніе составителя грамматики о способѣ сложенія стиховъ, то и здѣсь найдемъ противорѣчіе.

Подобно позднѣйшимъ грамматистамъ, авторъ различаетъ слоги долгіе и короткіе, слѣдуя своему греческому оригиналу; но дѣленіе его, конечно, совершенно условно:

«Слѣгъ ёсть сложеніе малыхъ двѣхъ писменъ, потребователно же и гласныя слѣги глаголютса. ѿко, α, ε.

Раздѣляетжеса слѣгъ на три.

На долгій, ѿко сосѣдъ.

На краткій, ѿко слово.

На ѿбщій, ѿко ѿременен'ный. (л. 7)

Согласно съ такимъ дѣленіемъ слоговъ на краткіе, долгіе и общіе — дѣленіемъ, изложеннымъ здѣсь правда слишкомъ неявно по сравненію съ позднѣйшими грамматическими руководствами — вполне понятна попытка перевести ямбическіе стихи съ греческаго на славянскій такими же ямбами, да еще и съ сохраненіемъ рѣзны.

Такую попытку мы видимъ въ передачѣ двустипіа:

Θεοῦ δίδοντας οὐδὲν ἰσχύει φθόνος¹⁾

Καὶ μὴ δίδοντας οὐδὲν ἰσχύει κόπος—

слѣдующимъ образомъ:

Бѣгѣ дающѣ зависть ничтѣже возмѣже

И не дающѣ трѣ^х оуспѣбеть ничтѣже.

1) Въ Αδελφότης'ѣ опечатка—φθόνος.

Гласныя: Ѹ, ю, ѣ, какъ долгія, могли образоватъ съ дру-
гими ямбическую и спондаическую стопу. Что же касается лиш-
няго слога въ первомъ стихѣ — то возможно допустить чтеніе
въ'зможє, безъ о, котораго составитель могъ и непринять въ рас-
четъ.

Но первое стихотвореніе на гербъ гор. Львова, по-
строено совершенно свободно какъ отъ еллино-славянской тео-
ріи долгихъ и короткихъ слоговъ, такъ и отъ польской, силлаби-
ческой, которую выше мы встрѣтили въ стихахъ А. Рымши.
Вотъ оно:

ЛЕОПОЛІС

Зна́меніе тезоименитаго кна́са лва́ гра̑ сѣй маѣ.

Его́же има́ по всѣй еврѡпіи россі́йскій рѡ̑ знаѣтъ.

В митропѡліи киевогалицкой сла́вно пребываѣтъ.

Его́же вса̑ ѡкрестнаа страна̑ ѡбогашаѣтъ.

Гербъ.

Лѣвъ царствѣтъ безсловѣсны̑ звѣремъ в нача́ло.

Словѣсны̑ же ѡбразъ, х̑во царство на̑ са показало.

Мѡжа́йса многопле́менный рѡ̑скій народе,

Да̑ христѡсъ нача́ло крѣпости въ тебѣ̑ бѣде.

Здѣсь мы имѣемъ весьма значительную разницу между чи-
словъ словъ въ отдѣльныхъ стихахъ: 18, 17, 17, 15, 18, 17,
13, 13. Повидимому здѣсь мы имѣемъ такую же рѣчованную
прозу, какъ и въ «Ляментѣ князятъ Острожскихъ», «Перлѣ»
К. Транквилліона и др. (см. гл. II). Такимъ образомъ авторъ не
справился съ мудреной задачей написать строки по правилу за-
имствованному изъ греческой грамматики; но трудно рѣшить,
почему онъ не воспользовался тѣмъ силлабическимъ размѣромъ,
который употребилъ А. Рымша впервые въ 1581 г., а въ 1591
г., въ эпиграммѣ Теодору Скумину — очень удачно и гладко,

хотя оба, и Римша и составитель стиховъ *Ἀδελφότης*'а, были, вѣроятно всею, питомцами одной школы.

Слѣдя далѣе за появленіемъ свѣдѣній о стихосложеніи, мы еще остано́вимся на двухъ грамматикахъ, изъ коихъ вторая, принадлежащая Мелетію Смотрицкому, болѣе ста лѣтъ служила школьнымъ руководствомъ.

Обѣ онѣ заключаютъ въ себѣ теорію стихосложенія близкую къ той, которая была впервые печатно предложена въ, *Ἀδελφότης*'ѣ, т. е. слѣпое подражаніе позднѣйшей греческой, основанной на условномъ значеніи гласныхъ буквъ.

Старшее изъ этихъ руководствъ — «Грамматика словенская.. ..новшъ сѣстѣлена Л. З.» т. е. Лаврентіемъ Зизаніемъ, выпущенная изъ братской виленской типографіи въ 1696 году 12 февраля¹⁾ начинается прямо стихами.

На оборотѣ заглавнаго листа, надъ изображеніемъ человѣка, стоящаго въ позѣ, выражающей недоумѣніе, держа въ лѣвой рукѣ ключъ — напечатано пояснительное двустишіе:

Прѣжнѣ ты са кѣсишь писмѣ оумѣти,
котѣрѣй нехѣчь менѣ разумѣти.

А за симъ слѣдуетъ на второмъ листкѣ такая «Епіграмма»:

На Грамматикѣ.
Грамматика писмѣ всѣ^ѣ наѣча^ѣ,
чты^ѣма^ѣ частми ла^ѣве ѣразѣ^ѣла^ѣ.
Ороографіею ѣ просѣдею.
сѣнтѣзисѣ^ѣ ѣ етѣмологіею.
А пре^ѣреченное еѣ ѣпѣтво,
пода^ѣетъ пе^ѣное ѣскѣство.
Котѣрѣи пра^ѣгнѣ^ѣ быти дѣконѣли,
в ѣймѣ ѣ вѣслова^ѣ абы непа^ѣтали.

1) Описана подробно у И. Каратаева, тамъ-же.

Але извѣстнѡ все понавѣли,
и чоґоса оучаѣ абы добре знали.
Ключеѣ бо єсть ѡтворѣючи всеѡ оумѣ,
к познанію въ преправѣи рѣзѣ.
По котѡроѡ власне гѣкъ по в'сходѣ поѡдетъ,
каѣдыѣ єсли хѡчеѣ всеѣ наѣ доѡдеѣ.

Въ «Послѣніи спѣдеѡмъ» объясняется польза грамматики и мѣсто ея относительно другихъ наукъ — риторики, словесности, философіи и богословія: «она єсть ключеѣ вырождѣмѣню. ѡво-рѣючи, и ѡказѣючи всакіи вѣтпѣivosti, а приѡдоблѣючи и свѣѣлый чиначи рѡзѣ чѣчѣи». (л. 3).

Приводя стихи сразу вслѣдъ за заглавіемъ, Л. Зизаній счелъ нужнымъ тутъ же дать указаніе, какъ сложены эти вирши и какъ слѣдуетъ складывать ихъ вообще.

Въ заключеніе же грамматики — онъ опять повторилъ правила о стихосложеніи, но уже въ нѣсколько иномъ болѣе подробномъ разсужденіи. Приведемъ сначала первое и слѣдующіе за нимъ стихи, а за тѣмъ, указавъ на принципы построенія стиха по долготѣ и какія гласныя Л. Зизаній считалъ гласными краткими и какія долгими — приведемъ и второе его разсужденіе.

Ѡ метрѣ, и ѡ рѣмѣ.

Пересторѡга хотѣчи вѣршѣ складѣти.

Въ метрѣ подобѣеѣ зрѣти качество и количество. слѡгѡ и речѣнѣи, сѣрѣчѣ аще изрѣчѣное речѣніе єсть, аще слѡгѣ долѣгий, илѣ краѣкій єсть.

Въ рѣмѣ же, нѣсть тѣкъ качество зрѣти, гѣкоже множѣе количество.

Такимъ образомъ, подобно, Αδελφοτηςу Грамматика Зизанія принимаетъ на греческій ладъ за основаніе стихосложенія долготу и краткость слоговъ, отводя рѣмѣ, т. е. тому, что называется по-славянски краеграниемъ — мѣсто второстепенное.

Нѣсколько ниже на л. 3 грамматики излагается гораздо подробнѣе мнѣніе о долготѣ и краткости гласныхъ: къ долгимъ здѣсь причисляются — и, ѣ, ѡ, а; къ краткимъ — е, о, у; къ двоерременнымъ — а, і, ж, ѵ; и это дѣленіе имѣеть ту причину, «понеже въ Творчѣки стісѣхъ Ѡ сиѣ пименъ съставивіиса слогъ, слогъ долгій бываееть. Кракаа же такоде нарицаюѣса понеже краткій слогъ бываеѣ. Двоерременнаа же нарицаюѣса, поне нѣсѣтъ єдинаго времени, сирѣчь нѣсѣтъ постоанна. Ѧвогда бѡ бывають краткаа, Ѧвогда паки догаа проиволѣніе Творца».

Теперь обратимся къ самому концу грамматики, и здѣсь, на л. л. 89—90 найдемъ статью о метрѣ, гдѣ уже рѣчи нѣтъ о долготѣ и краткости: это подразумѣвается, очевидно, извѣстнымъ. Эта статья не имѣеть также связи и съ предыдущей. Здѣсь рѣчь идетъ объ ироическомъ, елегическомъ и ямбическомъ метрѣ. Приводимъ эти три статейки полностью.

Ѡ ироическомъ Мѣтрѣ.

Ироическое мѣтро єсть шестомѣритѣное, ѣ шесточислитѣное: Ѧже приѣмеѣ въ первоѣ, и второѣ, и третемъ, и четвертоѣ, и пѣтомъ, предѣлѣ, ѣли дѣтѣла. ѣли спѡдеа. Въ шестоѣ же, ѣли спонѣдеа, ѣли трохеа. такъ:

виждѣ нѣмощѣ єстѣства нашѣго въ щѣдрѡтахъ многіи.

Дактуль — ∪ ∪, Дѡнѣдѣжѣ.

Спѡдѣй — — —, бѡдѣ.

Трохей — ∪, бѡдѣтъ.

Если хочешъ Вѣршѣ Складати, Вѣде тыѣ Мѣтрѣ Склада Грецкіѣ Поѣтѡ послѣдѡючи.

Ѡ елегическоѣ Мѣтрѣ.

Елегическое мѣтро єсть шестомѣритѣное, ѣ приѣмлетъ въ первоѣ ѣли дактила, ѣли спѡдеа, въ второѣ же дактила, въ третѣ же

и четверто́ дактила, въ пѣтомъ же предѣлѣ спондеа, иже раздѣлѣется на двое. и оубо по егò бываетъ междѹ вторы́ и третій предѣло́, другóе же по по четверто́.

Ω 'Іа'вическо́ Мѣтрѣ.

Что́ есть 'Іа'вическое мѣтро:

Іа'вическое мѣро есть шестомѣритѣное или шесточислительное, и прие́млетъ пер'воѹ, и третій, и пѣты, предѣлъ, или нога. или спòдеа, или іа'ва. вторій же и четверты́ единаго іа'ва. шестааже нога приемлетъ или іа'ва, или пуріхіа, іако,

призри́ на насъ грѣшны́хъ мно́гѹ щедрѹи́ божѣ.

Спо́де — —, бѣди́.

Іамвѣ — —, нѣсѣ.

Пуріхі́ — —, слѣво́.

Какъ видно изъ приведенныхъ Л. Зизаніемъ двухъ стиховъ, ироническаго и ямбическаго — сложеніе ихъ было дѣломъ не легкимъ: самому составителю при изобрѣтеніи примѣровъ пришлось въ единственномъ ямбическомъ стихѣ воспользоваться всѣми льготами и пѣтическими вольностями, употребивъ и спондей и пиррихий, и гексаметръ вышелъ у него спондическій, признаваемый и греками за неудачный. Образца же элегическаго пентаметра Зизаній совсѣмъ не приводитъ, оставляя учениковъ безъ нагляднаго примѣра.

Для сужденія объ его искусствѣ слагать стихи приводимъ его «стихи къ младенцемъ, вводяще ихъ въ ученіе», а также обращеніе къ нимъ же типографа.

Первые читаются на л. 4 предисловія, послѣ замѣчаній о метрѣ и риѣмѣ:

Стихи.

Къ младѣцемъ въвѣда́щій и^т на дѣло.

Ѣже всѣкъ тшѣтиса въ граматіцѣ да начинаеть,

бѣстваже дрѣнаго дѣбелости же да забывають.
Ибо готѣво хѣдожесто ѿ семѣи пе'рвѣшее
бѣди же тѣцаяе ва'ше пе'рого оу'се'рнѣ'ше

На оборотѣ же этого листка—привѣтствіе отъ типографа:

Тѣпограф младѣ'цемъ.

Не прѣсто кнѣкѣ называють тою гра'матикѣ,
а'ле наста'нищѣ добрѣ словѣ'скомѣ ꙗзыкѣ.
На'учають дѣбре писати и дѣбре чита'ти,
доскона'лы и пѣны бѣти а нѣ в'чѣ не па'тати.
Тѣю вы ѿ спѣдеи малѣмъ ко'ш'то собѣ набывають,
а великогоса ро'зѣмъ и ро'стро'пности з'ней на'уча'те.

Это послѣднее стихотвореніе не что иное, какъ перефразировка прозаическаго предисловія составителя грамматики. Построеніе четырехъ стихотвореній, находящихся въ этой грамматикѣ—только отчасти приближается къ лучшимъ образцамъ версификаціи XVI вѣка. Въ первомъ—два правильныхъ одиннадцатисложныхъ стиха; во второмъ первые два стиха—по 11 сл., вторая пара—по 12; далѣе же слѣдуютъ стихи 10, 9, 12, 11-сложные безъ намека на систему. Третье стихотвореніе имѣетъ кромѣ перваго 15-сложнаго стиха—три остальные по 16 слоговъ; въ четвертомъ сначала преобладаютъ стихи 15-сложные, а затѣмъ 16, 17 и даже 20-сложные.

Этотъ расчетъ, можетъ быть, показываетъ, что чувство мѣры сознавалось авторомъ, но выдержать взятый размѣръ было трудно. Что до отношенія этихъ образцовъ къ теоріи, то они стоятъ совершенно отъ нея въ сторонѣ и никакъ не укладываются ни въ мѣрку стиха иройскаго, ни элегическаго, ни ямбическаго.

Какъ показано было ранѣе (гл. II), въ началѣ XVII в., къ двадцатымъ годамъ его, большинство малорусскихъ стихотворцевъ пишутъ уже правильныя силлабическія вирши, за исклю-

ченіємъ немногихъ, предпочитающихъ рѣчю прозу, или не умѣющихъ уложить рѣчь въ рамки 11- или 13-сложнаго стиха.

Однако, несмотря на такое явное преобладаніе силлабической системы, Мелетій Смотрицкій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, отлично знавшій какъ славянскій, такъ и польскій языкъ,—въ своей грамматикѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1619 году, держится той же системы, что и Л. Зизаній, только разрабатываетъ ея детальнѣе.

Уже въ началѣ грамматики, въ главѣ объ орфографіи Смотрицкій устанавливаетъ три разряда гласныхъ и диграфныхъ, согласно ученію о семь грековъ: «по грековъ мѣритѣнаго в' слогѣ количества ра'дѣленію стѣхотворнѣ» (л. 2 об.—3 об.). Онъ раздѣляетъ гласныя на трое: «долгаа съть: и, ѣ, ѡ. Краткаа: е, о. Двоуременноа: а, і, у. Диграфныя также дѣлятся на три разряда «по мѣрѣ стѣхотворнаго количества»: долгія—ау, еу, ѡ, а, к, ий, ѣй, ы, ѡй, ѣ, оу; краткія—ей, ой: общія—ю, у, безъ о: ай, еу, ій, ѡй. Всѣ же троегласныя и чотырегласныя—долги: оуй, ый, ай, юй, ж и жй.

Въ статьѣ о «просодіи стѣхотворной» Смотрицкій еще разъ возвращается къ этому дѣленію гласныхъ. Такимъ образомъ, согласно болѣе сложному дѣленію, естественно ожидать и болѣе запутанной и искусственной системы. И дѣйствительно: Смотрицкій, кажется доходить до крайняго предѣла искусственной группировки долгихъ и краткихъ слоговъ, хотя примѣры, приводимые имъ, могутъ быть прочтены довольно гладко. Но о причинѣ этого — ниже, а теперь обратимся къ заключительной части его грамматики, предлагающей систему стихосложенія.

Эта статья, озаглавленная: «О просодіи стѣхотворной» — послѣ краткаго вступленія заключаетъ въ себѣ ученіе о долготѣ и краткости слоговъ, «о степеняхъ (видахъ) стѣхотворныя мѣры» и «о страстехъ реченій».

Во вступленіи М. Смотрицкій приводитъ въ такихъ словахъ

причины, побудившія его заняться составленіемъ правилъ для сложенія стиховъ ¹⁾).

«Матѣй Стрѣйковскій, каноникъ самоитскій, дѣй славянскихъ хронографъ достовѣрный, въ четвертой своей хронологіи книзѣ пишетъ, Овідіа Славнаго Онаго Латінскаго ПоетѸ в Сарматскихъ народѣ заточеніи бывша и языку ихъ совершеннѣ навыкша. славянскимъ діалектомъ за чистое его красное и любопріемное стіхи или вѣрши писавша».

«Заеже возможну стіхотворну художеству в словенскомъ языкѣ и азъ быти судивъ, по силѣ вкратцѣ правила его по мнѣ тожде искуснѣ творити хотящимъ, божією помощію, предлагаю».

Въ основаніи стихосложенія лежитъ знаніе просодіи: эта послѣдняя дѣлится на просодію орфографическую, имѣющую цѣлью обозначить особенности произношенія (припѣтіе) и просодію, «юже художество стіхотворное под метромъ или мѣрою слоговъ количества, быти глаголемъ».

Стихи, изъ которыхъ слагаются вирши, имѣють слѣдующее построеніе: «стіхъ состоитъ ногами (т. е. стопами): нога слогами, слоги стіхіями или писменъ» — здѣсь М. Смолитицкій не различаетъ звуковъ и буквъ; такимъ образомъ въ «познаніе стіхотворенія» мы приходимъ чрезъ познаніе «писменъ, слоговъ и ногъ».

Напомнивъ вкратцѣ данное выше дѣленіе писменъ Смолитицкій переходитъ къ слогамъ и ихъ количеству. «Количество есть слога мѣра краткая, или долгая по времени»... «Краткая мѣра есть, яже единѣмъ временемъ состоитъ», долгая — «яже двома временама краткими состоящая»; онѣ обозначаются знаками: \cup и $-$.

Согласно приведенному выше дѣленію гласныхъ буквъ и двогласныхъ и слоги дѣлятся на три разряда; кромѣ того они

1) Здѣсь и ниже правописаніе старопечатнаго текста не сохраняемъ; раскрываемъ титла и опускаемъ надстрочные знаки.

различаются и по положенію и дѣлятся на первые, послѣдніе и средніе.

Но кромѣ этого основнаго правила, Смотрицкій заимствовалъ еще изъ греческой и латинской просодіи ученіе о количествѣ образуемомъ чрезъ положеніе слога (*positio*): «положеніемъ слогъ естествомъ (по природѣ — *natura*) краткій одождается, есть же положеніе двою согласну, или многшихъ, либо сугубаго, или сугубствующаго единому естествомъ краткому, или общему гласному *припряженіе* (т. е. удлинненіе): бываетъ же или въ единомъ и томъ же реченіи, яко: скѣрѣ, твѣрѣ, чѣсть... и т. д. или въ различныхъ, сирѣчь егда первое реченіе кончится на едино согласное, от согласнаго же и послѣдующее начинается, яко: Бѣгъ мой, Спаситель мой, Пишеть Петръ и прочая».

Исключенія изъ этого правила возможны въ четырехъ случаяхъ: 1) если «сугубое или сугубствующее» писмя принадлежатъ послѣдующему слову, напр.: Бѣже *всесилне*; 2) послѣдующія за гласнымъ «обоящающее съ таемымъ» (т. е. нѣмая съ плавной) дѣлаютъ слогъ обоюднымъ, напр.: смѣреніе, стѣбле и др. 3) Союзъ *же* дѣлаетъ долгимъ конечную краткую гласную того слова, къ которому присоединяется, напр.: никтоже, менѣ же. 4) Предлоги употребленные, въ сочиненіи, сохраняютъ свою краткость или двоявременность: на зѣмлю, къ смерти, но употребленные въ качествѣ приставокъ — слѣдуютъ правилу и удлинняются: прѣтвореніе, заступница и др.

Послѣ этихъ главныхъ и общихъ правилъ слѣдуютъ болѣе частныя: — о долготѣ и краткости возвращенія или наращенія (приставки) и приращенія (наставки) (такъ *a* въ приращеніи за двумя исключеніями — долго, и въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ), о не употребленіи *y* въ началѣ стихотворенія, о долготѣ *e*, замѣнившаго древнее *κ*; о долготѣ, сообщаемой конечнымъ *z* и краткости — *ъ* въ томъ же положеніи. Этими мелкими замѣчаніями заканчивается первая часть.

Вторая часть трактуетъ «о степенехъ стихотворныя мѣры». «Степень есть мѣра извѣстная, въ количествѣ слоговъ блюдомая», или — «степень есть мѣрителное слоговъ состояніе». М. Сморицкій указываетъ, что существуетъ 124 различныхъ родовъ стиховъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительныхъ 28: четыре двосложныхъ, восемь тресложныхъ, шестнадцать четырехъ тресложныхъ, но этихъ послѣднихъ въ своемъ разсужденіи Сморицкій не касается: «...оставляемъ, яко мнѣ славянъ употребленію служащія».

Слѣдуетъ перечисленіе стопъ, возможныхъ на славянскомъ языкѣ:

«Двосложніи: Спандѣй, — — яко: чистый, любви,
Пуррихій, ∪ ∪ яко: небо, море.
Трохей, — ∪ яко: сердце, тѣло.
Їамвь, ∪ — яко: корысть, время.

«Тресложніи: Дактѣль, — ∪ ∪, яко: бѣлье, черпало
'Анапестъ, ∪ ∪ —, яко: плоды, ходатай.
'Амфиврахѣй, ∪ — ∪, яко: точило, вретиче.
'Амфимакръ, — ∪ —, яко: рѣкоать, любовѣй.
Вакхій, ∪ — —, яко: великій, клеветникъ.
Палимвакхій, — — ∪, яко: пиршество, нѣрище.
Триврахѣй, — ∪ ∪, яко: бденіе, селіе.
Тримакръ, — — —, яко: истинный, различный.

Указавъ отдѣльные элементы стиха, Сморицкій обращается уже собственно къ стиху или вѣршу, который и опредѣляется имъ, какъ «правильное степеней во извѣстномъ родѣ сочиненіе». Всего онъ знаетъ 11 родовъ стиха, но ниже ведетъ рѣчь только о «седми изряднѣйшихъ».

Опредѣленіе состава и сложенія каждаго рода стиховъ и примѣры, сочиненныя Сморицкимъ, приводимъ полностью.

Ω Родъ Стѣха ѳрѡйскагѡ, ѳлѣ шестомѣрнагѡ:

ѳрѡйскаѣ стѣхъ состоѣтъ шестѣи степенѣи, ѳхже пѣтый дактѣль ѣсть, шестѣи спондѣи: прочѣи дактѣли, ѳлѣ спондѣе, ѳкѡ, ¹⁾

Сѣмѣтски новорѣстныѣ мѣсы стопѣу пѣрвѣ,
Тѣщѣющѣ Пѣнѣ во ѡбитѣ вѣчнѣ заѣти.
Хѣ Црѣю прѣимѣ: и блѣговолѣ, тебѣ с' ѡтцѣ"
И Дѣхѡ" свѣтъ" пѣти оучѣ Рѡссѣйскаѣ
Ро^л ²⁾ на^м, чѣстѣи мѣры славѣски ѣмны.

Прѣстеженѣе.

Нѣкогда пѣтый степенѣ ѡбѣмлетъ: за ѣже стѣхъ таковѣ спондѣискаѣ нарицѣетсѣ: ѳмже ѳлѣ вѣлѣ вѣщи коѣѣ честнѡтѣ, лѣбо лѣта коѣго скѡрбѣ ѳзѡбражѣетсѣ; ѣгѡже рѡда парѣдѣгма четвѣртыѣ и пѣтый ѡ прѣложѣныхъ стѣхѡвѣ ѳрѡйскаѣхъ.

Ω Родъ Стѣха ѣлегѣйскагѡ: ѳлѣ Патомѣрнагѡ.

'Ѣлегѣйскаѣ стѣхъ, вѣнѣ мѣла ѳрѡйскомѣ прѣпражѣемѣ пѣмѣ степенѣи состоѣтъ: ѳхже пѣрва двѣ Дактѣле заѣмѣютъ ѳлѣ спондѣе, прѣпражѣнѣ ѳма слѡгѣ долѣ полѣстепенѣ нарицѣемѣ.

Прѡчѣа двѣ прѡ дактѣле, ѳмаже ѳкѡ и пѣрвыѣ двѡма степенѣи прѣпражѣетсѣ слѡгѣ, полѣстепенѣ рекѡмый, со прѣдѣидѣщѣи" пѣтый составѣющѣ степенѣ; ѳкѡ,

Ѣстѣины дѣдѣ ми прѣснѣ Ѣсѣсе лѡбѡвѣ.

Ѣрѡѣлегѣйскаѣ.

Хрѣтѣ ѣлѣка прѡсѣ^т ѳны, дѣдѣ и" прѣбогѣте;
Мнѣ тебѣ слѣчѣйшѣи дѣждѣ, менѣ вѣзѣйма тебѣ

1) Здѣсь и ниже прѣмѣры, прѣводимыѣ Смотрѣцкимѣ прѣдаемѣ строка вѣ строку.

2) Вѣ первомѣ изданѣи 1619 г. опечатка—сѡР.

Ω Рѡдѣ Стїхà іамвїйскаѡ.

'Іа'вїйскїа мѣры стїхѡвъ рѡди сѣть трїнадесятѡлічны, Ω нїѣ же двонáдесаѣ мнѣ оупотребляемы ѡставлѣше, едїи еѣ́аметеръ и́ли Трїметеръ 'Іа'вїйскїи 'Акаталїктъ речѣный, предлагаемъ. И́мже бѣ: 'Іоáннъ Дамаскїнъ многїа состави канѡны. Состоитъ же еѣ́аметеръ 'Іа'вїйскїи шестма степенѣми, Ωтѣдѣ и́ шестомѣрѣ наречѣнъ: и́же чїстъ сѣи и́ совершенъ во всѣхъ степенехъ сáмый прїемлетъ 'Іамвѣ, ꙗко:

Молю 'Ісꙋсе ѡстави моá грехї.

Несовершенъ же сѣи и́ нечїстъ в' коемѣждо степенї 'Іа'ва прїемлетъ, и́ли спондіа, развѣ шестаѡ, 'Іа'въ тѡчїю прїемлющаѡ, ꙗко:

Помїлѡи ма кающася Бѡжїи Слове.

Сѣи же хрѡ, сказашнъ и́ли холѣамвѣ Грѣчески речѣнъ, во всѣхъ прѡчїихъ 'Іа'ва и́ли спондіа сохрãнъ, в' шестомъ степенї прїемлетъ спондіа, ꙗко:

Пою ти Благодãтнаа пѣснь, радѣйся

Ω Рѡдѣ Стїхà сáфїйска.

Стїхъ Сáфїйскїи пãма степенїи состоятъ, пѣрвымъ трѡхѣемъ, вторїи спондіемъ, трѣтїимъ дáктѹлемъ, четвѣртїи и́ пãтыи трѡхѣемъ. 'Емѣ же стїхѡвъ рѡдови по коемѣждо трѣтемъ стїсѣ прилагãетсѣ стїхъ 'Адонскїи, двѡма степенѣми состоящѣ, пѣрвыи дáктѹлемъ, вторымъ спондіемъ, ꙗко:

Моꙋсо Тãтр' Сãмãтск' 1) Бѡгѣ трїедїнѣ,
Дѡлжнꙋю дãи чѣсть поклѡна со ѣмны,
Чїстою Славãнъ, егѡ, дãвшемѣ ти
Мѣрою пѣти.

1) У Смотрицкаго 1619 г. — Сãмãтск'.

Ω рѡдѣ Стѣха фалѣнска, или едиѣнадцатослѡбнаго.

'Едиѣнадцатослѡбный стѣхъ состоитъ стѣпени пѣма, пер-
выи спондїемъ и иэръѣе: или трохѣе, либо 'Іа'во'; вторыи дактѣ-
лѣ; третїи, чѣвертыи и пѣтыи трохѣе, ѣко:

Оутѣшителю Дѣше, ѡкаанна
Не презри мене, хвалѣ ты дающа.

Ω рѡдѣ Стѣха Глѣкѡнска.

Глѣкѡнскїи стѣхъ состоитъ стѣпени трема: во первомъ прї-
ѣла спондїа, во второмъ и третїемъ дактѣла, ѣко:

Оумъ чїсть, и непорѡчное
Дѣждь ми сѣрдце Исѣе мой.

Ω рѡдѣ Стѣха хорїамвїйска 'Асклипїадска:

'Асклипїадскїи стѣхъ четыри содержитъ стѣпени, во перво-
прїемлѣ спондїа, во второу и третїеу хорїамва, в' четвѣртомъ
пѣррїхїа, или, еже тѡжде есть: первыйи состоа спондїемъ, вторыи
дактѣлѣ и слѡгомъ долгїи, пресѣченїе латїнски сѣзуга рекѡмї,
третїи стѣпень заѣлющї; четвѣртыи и пѣтыи дактѣлемъ, ѣко:

Ты нашъ хрїстїанѡ, ѡ древо живѡе,
Щїть бѣди, на дрѣвѣ врага побѣжшее.

«Прѡчыа стѣхѡвъ рѡды произволенѣ ѡставлѣемъ: сїа и во
всѣхъ прѡчїи оудѡбное познѣнїе долѣти сдѣвше» — такими сло-
вами завершаетъ Смотрїцкїи обзорѣнїе размѣровъ.

Этотъ отдѣлъ завершается двумя небольшими замѣтками о
цезурѣ или пресѣченїи, которое необходимо въ стихѣ: «его же
кромѣ стѣхъ, иэръѣе же ирѡйскїи безобразенъ естъ и не
оудѡдѣ, ѣко:

Лживи людїе, лѣстни пѣтїе, Гду мѣзост'.

Какъ образецъ «чистаго и благоугоднаго стиха», въ кото-
ромъ явно слышится «лѣпота» пресѣченїа — указываются выше

приведенные образцы гекзаметра. Заключительная замѣтка—объ обоюдности послѣдняго слога.

Третій отдѣлъ посвященъ, какъ упомянуто выше, «стра-
стямъ». «Страсть реченій есть реченіа измѣны, мѣры ради стѣхо-
тѣорны бываемая». Здѣсь поясняется, что въ случаѣ невозмож-
ности уложить рѣчь въ стихъ, допускаются приемы, коихъ всего
18: девять страстей изобилія, и столько же — скудости. Не
входя въ подробное разсмотрѣніе этихъ страстей, приведемъ
примѣръ, показывающій наглядно, въ чемъ онѣ заключаются.

Такъ, первая страсть изобилія, *πρόσθεσις* или приложение—
«есть писмене илѣ слога въ началѣ реченіа приложение», напр.
вмѣсто: леть—*πρелеть*, вмѣсто: мудрость—*πρeмудрость* и т. п.
Отложение или *ἀφαίρεσις* — наоборотъ, заключается въ отнятіи
перваго слога, напр. плоть вмѣсто оплотъ. *Ἀναδίπλωσις* или
усугубленіе — повтореніе перваго слога, напр.: естесмы вм.
есмы. *Ἄρσις* или отъятіе—«перваго слога въ реченіи οὐςϑγϑβλέ-
наγω ὤложеніе», напр.: ёство вм. ёстество. *Ἐκτασις* или напря-
женіе—удлиненіе короткаго слога чрезъ замѣну краткой гласной
долгою (по условной таблицѣ предложенной выше) напр.: тѣлеса
вм. телеса. *Συστολή* или ослабленіе — обратный приемъ. *Ἐπέκ-
τασις* или распространеніе «есть средѣ реченіа слога приложе-
ніе», какъ напр.: сочетаніе вмѣсто сочтаніе, царствѣю вм.
царствую. *Συγκοπή* или стѣсненіе—обратное сказанному: напр.:
чисту вм. чистому. *Διαίρεσις* или раздѣленіе есть «слога единаго
на два раз'атіе», напр.: радѣиса вм. радѣиса. *Συναλοπή* или
спряженіе есть слитіе двухъ слоговъ въ одинъ: тройца вм.
тройца и т. п.

Другія «страств»: — *παρένθεσις* или вмѣщеніе, *διπλασιασμός*
или удвоеніе, *παρέλλειψις* или уятіе, *παρέμπτωσις* или прида-
ніе, *ἐκδραψις* или улишеніе, *προσχηματισμός* или припятіе и *ἀπο-
κοπή* или усѣченіе—представляютъ собою такіе же чисто искус-
ственные приемы, неизбежные для всякаго, кто вздумалъ бы
слагать стихи по этой мудреной теоріи.

Имѣла ли она послѣдователей? Отвѣтить на такой вопросъ въ настоящее время кажется намъ нѣсколько затруднительнымъ, но сомнительно, чтобы правила, предложенныя еллинославянствующими грамматиками, начиная съ Ἀδελφότης'а, кончая Смотрицкимъ, были доступны и удобны для сложенія славянскихъ и русскихъ стиховъ.

Интересно отмѣтить, что не только стихотворцы, но и сами составители правилъ стихосложенія — пользуются данными правилами чрезвычайно рѣдко, большею частью лишь для составленія примѣровъ на правила, очень немногочисленныхъ. Большинство же, да и сами теоретики — какъ на примѣръ въ грамматикѣ Л. Зизанія — пользуются либо силлабической системой, либо просто пишутъ рифмованной прозой.

Изъ приведенныхъ въ перечисленіи у М. Смотрицкаго размѣровъ посчастливилось въ южно-русской, а позже и въ сѣверно-русской поэзіи только двумъ — сапфическому и фалейскому стиху, и то потому, что первый совпагъ съ силлабическимъ сапфическимъ, а второй — съ популярнѣйшимъ одиннадцати-сложнымъ размѣромъ. Что касается «страстей», то нѣсколько выше (гл. V) въ стихотвореніи неизвѣстнаго южно-русскаго автора самаго начала XVII в. нами отмѣчена вставка, по Смотрицкому «распространеніе» (ἐπέκτασις) въ стихѣ:

Царствіе вѣчно даний вѣщаѣ.

Впрочемъ можно думать, что М. Смотрицкій, прилагая къ своей грамматикѣ наставленіе о стихотворствѣ, едва ли имѣлъ въ виду научить русскихъ сочиненію стиховъ. Позднѣйшіе же издатели его грамматикки, понимая трудность предложенной теоріи или признавая превосходство распространившейся уже повсемѣстно — и въ Кіевской и въ Московской Руси — силлабической системы, въ заключеніе разсужденія прилагаютъ такое послѣсловіе.

«Сіа' здѣ ω хѣдѣжествѣ пѣтѣчествѣмъ вкратцѣ предложѣшаса, не толіко ради оупотребленія, 'елико вѣдѣніа. 'Ибо

аще оу древнихъ ѣлинъ и латинъ и в'велицѣмъ почтѣнїи бѣше [по свидѣтельствѣ многихъ 'исторїковъ] ѡбаче нынѣ за трѣдность, многими 'едва не ѡставлена, на лѣчпїй плодъ иныихъ хѣдѡжествъ нѣжнѣйшихъ вре́ма златѡе житїа своего ѡпредѣлившими. Изволааи же ѡ сей пространнѣе извѣдати, да читаеть грѣческихъ Ѡмира и исиѡда, латинскихъ Ѡвидїа, виргїлїа и прѡчихъ и ѡными можеть оудѡволствоватиса до сытости»¹⁾.

Впрочемъ и въ предисловіи Смотрїцкаго къ грамматикѣ, гдѣ исчисляются различныя школьныя упражненїя, — сочиненїе стиховъ не ставится въ обязанность школьникамъ; занятїя ихъ ограничиваются слѣдующимъ: «читати по славѣнскѣ и писати роудѣне и чтѡмое выразумѣвати ладно» — а затѣмъ уже слѣдуютъ переводы съ славянскаго языка и на славянскїй (л. 1 об. и 2 предисловія).

Хотя скоро еллино-словенская теорїя стихосложенїя и на практикѣ и въ школѣ была вытѣснена польскимъ силлабическимъ стихомъ, однако Азбуковникъ XVII в. сохранилъ намъ отрывокъ изъ разсужденїя о стихосложенїи именно въ только-что описанномъ грѣческомъ стилѣ. Въ Азбуковникѣ Румянц. Музея № 2, на л. 35 об.—36 упоминается о дѣленїи слоговъ на долгіе и короткіе со ссылкой на дальнѣйшія статьи о «ирѡическомъ» и «элегїатическомъ» метрахъ. Но этихъ статей ниже не находится, а читается на л. 79 слѣдующее разсужденїе о ямбическомъ стихѣ:

«Іамви ѣ. стїи сицѣ. Грама̃.

Тебѣ̃, плету̃, пѣснь, м̃ги, бг̃а̃, слова.

'Амви̃ же сицевы̃ стїи̃ нарицѣетса, поне̃ ѡнъ, шѣсть а̃вовъ в себѣ̃ имать. 'Амво̃ бо грамотїцы нарицаю̃ часть слова. им̃щую в себѣ̃ два̃ слѡга. краткїи̃ и долгїи̃. ꙗкоже, тебѣ̃, тѡ ѣсть

1) Цитируемъ по изданїю 1721 г. М., которое въ интересующей насъ части, кромѣ указаннаго заключенїя, отличается отъ перваго изданїя лишь ореографически, напр. ударенїя поставлены по-московски.

ѣмвѣ. а ѣже рещи, плетѣ. то ѣсть другїи ѣмвѣ. о² сѣ² и прѣчына разумѣи»¹⁾.

Примѣра, приведеннаго здѣсь, мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ грамматикъ; весьма возможно, что онъ самостоятельно изобрѣтенъ кѣмъ нибудь, а не заимствованъ изъ печатной грамматики. Что же касается до разсужденія, то оно, хотя и напоминаетъ отчасти словомъ «элегіатическихъ» Л. Зизанія, однако по способу выраженія стоитъ совершенно независимо какъ отъ названной, такъ и отъ другихъ извѣстныхъ намъ грамматикъ XVI—XVII вѣковъ.

Всѣ разсужденія о долготѣ и краткости слоговъ, повторялись въ теченіе долгаго времени, пока перепечатывалась грамматика Смотрицкаго, но и позднѣйшія попытки создать стихосложеніе по образцу греческихъ и латинскихъ метровъ слѣдуетъ признать совершенно неудавшимися — имѣемъ въ виду опыты Востокова и переводы нѣкоторыхъ одъ Горация Фетомъ, хотя эти послѣдніе опыты и построены на иной теоріи долготы и краткости и въ нихъ за долгїи приняты слоги ударяемый, а не имѣющїи то или другое условное графическое изображеніе.

Данный обзоръ попытокъ установить еще въ XVI и началѣ XVII в. систему стихосложенія интересенъ и поучителенъ потому, что показываетъ, какъ велики были запросы грамотной и вообще интересующейся литературой массы читателей, и что они простирались не только на то, чтобы знать правописаніе, а также желали и высшихъ формъ литературнаго творчества, неизвѣстныхъ старинѣ. Но мысль старинныхъ грамотниковъ XVI—XVII вв. сначала никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что для новой, едва нарождающейся, поэзіи приходится воспользоваться готовой, но по разнымъ причинамъ непрїятной для ревнителей православія польской формой. Теоретики, не внимая требованіямъ современниковъ, изъ которыхъ образованнѣйшіе

1) Ягичъ, Разсужденія старины о церк.-слав. яз., Исслѣдованія по русскому языку. I, стр. 993.

были уже знакомы съ польской поэзіей, переживавшей свой золотой вѣкъ, пытались дать взаимѣ образца, предлагавшагося этой послѣдней — блѣдное подражаніе отжившей и непримѣнной къ славянскимъ языкамъ метрической системы. Пытаясь создать нѣчто свое, они не вняли духу времени и ставъ на ложную дорогу не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Ихъ теоріи — послѣдній протестъ противъ напылива всё усиливавшейся и окончательно взявшей перевѣсъ въ концѣ XVII в. волны западнаго вліянія.

XVI.

Произведенія малорусской поэзіи, какъ искусственной, такъ и народной проникали въ Москву въ XVII — XVIII вв. путемъ сборниковъ, составлявшихся любителями, но этотъ путь былъ не единственнымъ: гораздо болѣе значенія имѣла непосредственная, устная, живая традиція, тѣмъ болѣе, что пѣвцовъ, знатоковъ малорусскаго пѣнія и поэзіи въ Великой Руси, а въ частности въ Москвѣ — было не мало. Малоруссы проникли въ Москву еще въ XVII вѣкѣ, который въ исторіи русской образованности ознаменовался особенно ярко выраженнымъ западнымъ — преимущественно польскимъ и южно-русскимъ вліяніемъ. Сравнительно небольшое количество переводовъ съ западно-европейскихъ языковъ XVI в. совершенно пропадаетъ въ той массѣ, которая относится къ XVII вѣку, главнымъ образомъ ко второй половинѣ его, и среди этихъ переводовъ — первое мѣсто принадлежитъ переводамъ съ польскаго ¹⁾). Наряду съ переводами, въ москов-

1) См. А. И. Соболевскій, *Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ*, Спб. 1899, и И. А. Шляпкинъ, *Дмитрій Ростовскій и его время*. 1891, стр. 52 и сл.

скомъ образованномъ обществѣ распространяются польскія и латинскія книги ¹⁾ и къ концу XVII вѣка знаніе польскаго языка является принадлежностью образованнаго человѣка. Одновременно съ этимъ въ Москву проникаютъ и южнорусскія сочиненія, прозаическія и стихотворныя ²⁾.

Сначала, какъ извѣстно, въ Москвѣ отнеслись къ этому движенію, въ частности къ стихотворству на западно-русскій ладъ — враждебно ³⁾. Но, несмотря на эту враждебность, вирши скоро появляются и при московскихъ изданіяхъ, на подобіе южно- и западно-русскихъ, гдѣ стихи на гербъ, посвященія, предисловія къ читателю, эпиграммы были дѣломъ обычнымъ.

При патриархѣ Никонѣ, покровителѣ малороссовъ, южнорусская поэзія настолько входитъ въ моду, что въ книгѣ «Рай Мысленный» 1659 г. мы уже находимъ обычныя вирши.

Нѣсколько ранѣе въ Москву начинаютъ проникать изъ южной Россіи и Польши представители искусства, безъ сомнѣнія нечуждые и поэзіи: при дворѣ царя Михаила Феодоровича около 1637 г. музыканты органисты польскаго или малорусскаго происхожденія: Проскуровскій, Завальскій, затѣмъ около 1639 года, шляхтичъ органистъ Симонъ Гутовскій—онъ же и клавикордный мастеръ ⁴⁾. Органистъ Василевскій изъ Смоленска, состоявшій въ государевой потѣхѣ въ 1677 г.—также, вѣроятно, былъ полякъ или бѣлорусъ ⁵⁾.

Царю подражали и вельможи, заводя музыкантовъ и пѣвцовъ, обучавшихъ въ свою очередь москвичей своему искусству; путе-

1) О распространенности польскаго и латинскаго языковъ въ Москвѣ въ XV—XVII в., см. данныя, собранныя Шляпкинымъ, тамъ-же, стр. 67 и сл.

2) Свѣдѣнія объ южно-рус. книгахъ, обращавшихся въ Москвѣ XVII в. у Шляпкина, тамъ-же, стр. 118.

3) Случай враждебнаго отношенія къ малороссамъ въ Москвѣ, тамъ-же, стр. 99 и сл.

4) И. Е. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей, 177, 169; Домашній бытъ русскихъ царицъ, 493; Опыты, II, 12.

5) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1860, II, Опись мѣщанской слободы № 464.

шественникъ по Россіи, Ванъ Кленкъ, подъ 1676 годомъ сообщаетъ: «знатные русскіе имѣютъ въ своихъ домахъ польскихъ музыкантовъ, которые учатъ ихъ играть на разныхъ инструментахъ, а также обучаютъ ихъ пѣнію»¹⁾.

Одновременно съ возрастаніемъ вліянія южноруссовъ на свѣтскую пѣсню, возрастало ихъ вліяніе и на церковное и религиозное пѣніе. При этомъ вѣрнѣе всего предположить, что проводниками являлись южно-русскіе иноки, вызванные въ Москву для исправленія книгъ. Объ искусствѣ малорусскихъ пѣвцовъ и о превосходствѣ ихъ надъ московскими въ XVII вѣкѣ свидѣтельствуется діаконъ Павелъ Алеппскій, спутникъ патріарха Антиохійскаго Макарія.

«Пѣніе казаковъ, говоритъ онъ, радуется душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца, и исполняется какъ бы изъ однихъ устъ; они страстно любятъ потное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (москвичей) пѣніе идетъ безъ обученія, какъ случится, все равно: они этимъ не стѣсняются. Лучшій голосъ у нихъ — грубый, густой, басистый, который не доставляетъ удовольствія слушателю. Какъ у насъ онъ считается недостаткомъ, такъ у нихъ нашъ высокій напѣвъ считается неприличнымъ. Они насмѣхаются надъ казаками за ихъ напѣвы, говоря, что это напѣвы франковъ и ляховъ, которые имъ извѣстны»²⁾.

Отсюда вполне понятно, почему патріархъ Никонъ, заботясь о благолѣпін церковной службы, оказался однимъ изъ первыхъ покровителей южно-русскаго пѣнія. При немъ въ концѣ 1651 г. прибылъ въ Москву кievскій пѣвчій Александръ Васильевъ, но одного было мало и посланный за пѣвчими въ 1652 г. священникъ Иванъ Курбатовъ привезъ изъ Кіева архидіакона кievо-

1) И. Е. Замысловскій, Сношенія Россіи съ Польшей при Теодорѣ Ал., въ Журн. мин. нар. пр. 1888, № 2, стр. 206.

2) Путешествіе антиохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, 4 вып. 1896—98. М. перев. проф. Муркоса, вып. II, стр. 175.

братскаго монастыря Михаила съ одиннадцатью пѣвчими, между которыми главнымъ «творцомъ строчнаго пѣнія» былъ кievскій пѣвчій Ѳеодоръ Тернопольскій. Немного позже, въ мартѣ того же года изъ Кіева въ Москву прибылъ новый хоръ въ девять человекъ. Первые пѣвчіе скоро уѣхали обратно, оставивъ въ Москвѣ двухъ товарищей—Александра Лешковскаго и Кліма Коновскаго ¹⁾. Въ 1664 г. патриарху Никону по его требованію должны были прислать въ Новый Іерусалимъ «девятиголосовыхъ кантыковъ, да восьмиголосныхъ псалмовъ и обѣдни Милевскаго» — очевидно малоросса — «да трехголосные концерты» ²⁾. Въ 1666 г. въ царскомъ хорѣ участвуетъ кievскій «вспѣвакъ» Іоаннъ Календа ³⁾.

Все это произвело немалое замѣшательство и ропотъ въ рядахъ приверженцевъ Московской старины. По словамъ Андрея Денисова, это «партеское, многоусугубляемое» пѣніе было запрещено патриархомъ Іосифомъ, который слышалъ его у Никона ⁴⁾, хотя оно и нравилось царю Алексѣю Михайловичу.

Новое пѣніе было осуждено наряду съ другими новшествами. Отзвукъ этого недружелюбнаго отношенія къ южно-русскому пѣнію сказанъ позже въ обвиненіяхъ старообрядческой партіи противъ патр. Никона. Въ «сказаніи ѿ Никонѣ патриарсѣ» ⁵⁾ вторымъ въ числѣ другихъ обвиненій стоитъ слѣдующее:

«Вторбе: кievское пар'тесное пѣніе начать в'црковъ в'водити согласно мир'скімъ, гласолом'ателнымъ пѣніемъ». Эта-то «гласоломательность», т. е. разнообразіе пѣнія малороссовъ, близкая къ разнообразію напѣвовъ свѣтской, народной пѣсни и была причиной быстро распространившагося вліянія малорусскаго пѣнія и въ области религіозной и свѣтской.

1) Н. О. Сумцовъ. Къ исторіи южно русской литературы XVII стол. Лазарь Барановичъ. Харьковъ, 1885, стр. 46.—Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи, стр. 210.

2) Русская Истор. библіотека, т. V. 1878, стр. 481.

3) Сумцовъ, тамъ-же, стр. 47.

4) Разумовскій. Церковное пѣніе въ Россіи. М., стр. 209.

5) Рукопись собранія кн. Вяземскаго, О. V, л. 221—227 об.; ниже цитирую л. 223 об.

Ненависть приверженцевъ старины, однако, не могла примириться съ такою новизной въ пѣніи и прибѣгла къ дѣйствительному средству—по крайней мѣрѣ въ той средѣ, на которую рассчитывали авторы, пустившіе въ оборотъ слѣдующую легенду, помѣщенную въ житіи чтимаго старообрядцами инока Корнилія. Здѣсь, послѣ пренія бѣса съ ангеломъ о крестѣ, слѣдуетъ:

«И не по многомъ же времени поиде Корнилій въ церковь Успенія пресвятыя Богородицы на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы и слыша спорующихъ въ церкви; и едини глаголаху: «пой по новому!» другія глаголаху: «не поемъ по новому, но по старому; какъ учились, такъ и поемъ, а по новому не умѣемъ». И паки глаголаху: «какъ нибуть пой, токмо не по старому, но по новому»... и много у нихъ преки было и одолѣша новолюбцы темнообразніи свѣтлообразныхъ»¹⁾.

Но видѣнія не помогли и «новолюбцы» побѣдили: уже въ началѣ XVIII в. малорусская пѣсня завоевываетъ себѣ широкую извѣстность въ Московской Руси.

Петровская реформа не ослабила тяготѣнія москвичей къ малорусской поэзіи и пѣнію. Напротивъ того она отчасти создала тѣ новыя условія и формы жизни, тѣ новые вкусы, которые потребовали и новой легкой поэзіи. Этой легкой поэзіи, изображающей самыя интимныя, задушевныя чувства человѣка, при томъ лишенная религіозной окраски—не могла дать обществу московская старина. Искусственной любовной поэзіи въ ней не существовало; народная же пѣсня, хотя и достигла замѣчательнаго совершенства (вспомнимъ пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 году²⁾), но опять таки не отвѣчала вполне на запросы новонарождающейся русской интеллигенціи на западно-европейскій ладъ.

Теперь, на встрѣчу новымъ вкусамъ, явились пѣсенки, слагавшіяся заѣзжими пѣвчими малоруссами и семинаристами по

1) Рукопись собр. кн. Вяземскаго О. III, л. 17 об.—18 об. и др. рукописи.

2) См. Извѣстія Имп. Ак. Н. 1852, Буслаевъ, Христоматія М. 1861, столб. 1081 слѣд. и анализъ—его же Очерки, т. I.

западно-русскому образцу. Онѣ охотно усваивались, особенно такія, въ которыхъ рѣчь шла о любви и ея вліяніи на человѣка и т. п. Л. Н. Майковъ справедливо замѣчаетъ, говоря о литературѣ Петровской эпохи: «зарождавшаяся галантность въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами высшаго, болѣе образованнаго сословія породила значительное количество любовныхъ стиховъ»¹⁾.

«Самая нѣжная любовь,—пишетъ нѣсколько позднѣе А. Т. Болотовъ,—только подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками тогда получила первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема»²⁾.

Сочинителями пѣсенокъ являлись «разнаго чина люди»: мы знаемъ В. Монса, его повѣреннаго Столѣтова³⁾; кн. А. Кантемиръ и В. Тредіаковскій также упражнялись въ писаніи пѣсенокъ—и ими-то получили извѣстность у современниковъ. Но въ общемъ, любовная искусственная поэзія была еще «превеликой диковинкой» и недостатокъ ея восполнялся съ успѣхомъ малорусской пѣсней.

Малорусскіе бандуристы, по свидѣтельству Берхгольца появлялись въ его время въ лучшихъ домахъ Петербурга и были очень любимы⁴⁾,—очевидно, старая традиція XVII в. не исчезла, напротивъ, закрѣпилась путемъ внесенія малорусскихъ пѣсенъ въ рукописные сборники, о которыхъ рѣчь ниже. Можно думать, что при этомъ немаловажную роль сыграли ученики новыхъ школъ, для которыхъ учителя иногда выписывались изъ Малороссіи, какъ это было напримѣръ въ Ростовской школѣ Димитрія Ростовскаго въ 1702, и слѣдующихъ годахъ: объ этомъ говорятъ, какъ фамиліи учителей (Мальцевичъ, Богомод-

1) Л. Н. Майковъ, Очерки изъ исторіи литературы XVII—XVIII стол. 1889, стр. 213.

2) Записки А. Т. Болотова, I, ст. 179.

3) Л. Н. Майковъ, тамъ же, стр. 214—216.

4) Дневникъ Берхгольца, ч. I, ст. 243, ч. II, ст. 301 и др.

левскій), такъ и руководства, полные малоруссизмовъ ¹⁾). Тоже явленіе наблюдается и во всѣхъ школахъ, учрежденныхъ епископами-выходцами изъ Южной Россіи.

Такимъ образомъ въ первой же четверти XVIII в. уже выяснились тѣ два направленія, которыя должна была принять поэзія среднихъ классовъ общества. И дѣйствительно, рукописные сборники большею частью имѣютъ именно такое содержаніе: 1) въ однихъ преобладающимъ элементомъ являются школьные канты, псалмы; 2) въ другихъ главное мѣсто занимаютъ свѣтскія искусственныя и народныя пѣсни, среди которыхъ по падается немало малорусскихъ.

Какъ бы постояннымъ разсадникомъ малорусскаго вліянія въ XVIII в. продолжали быть пѣвчіе, въ числѣ которыхъ было много малороссовъ. Первое мѣсто среди хоровъ занималъ придворный. Мы не знаемъ всѣхъ участниковъ его и не можемъ точно указать всѣхъ малороссовъ, пѣвшихъ въ этомъ хорѣ; ограничимся тѣми немногими данными, которыя намъ удалось собрать, руководясь главнымъ образомъ «Россійскимъ Театромъ», гдѣ, при перечисленіи дѣйствующихъ въ операхъ лицъ, иногда указываются и фамиліи исполнителей.

Въ 1750 г. 25 ноября была представлена опера Бонекки и Арайи «Беллерофонтъ», въ которой пѣлъ «Ея Императорскаго Величества пѣвчій малороссіянинъ Марко Федоровъ» (Полторацкій)²⁾.

Въ оп. «Альцеста» ³⁾ участвовали слѣдующіе малороссы:

1) И. А. Шляпкинъ, Дм. Ростовскій, стр. 390; учебники почти полностью изданы въ Яросл. Епарх. вѣдом. 1863 и 1883 г.

2) Камеръ - фурьерскій журналъ, см. Свѣтловъ, Русская опера въ XVIII ст. Ежегодн. Имп. театровъ, сезонъ 1897—1898 гг., приложения, кн. 2, стр. 78. Вѣроятно это тотъ малороссіянинъ Маркъ Партурацкій, котораго капельмейстеръ Арайя привезъ въ числѣ артистовъ пѣвцовъ. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра, стр. 48.

3) Датирована въ Росс. Театрѣ, ч. XVIII, 1764 годомъ; «Стихотворство» Сумарокова, муз. Раушаха. Противъ именъ исполнителей помѣчено: «придвор-

Дмитрій Бортнянскій (Адметъ) ¹⁾
Семень Соколовскій (Альцеста)
Иванъ Сичевскій (Геркулесь)
Андрей Трубчевскій (Мениса)
Иванъ Оробевскій (Синоръ)
Федоръ Ладунка (Плутонъ)
Данило Носаченко (Прозерпина)

Въ оперѣ «Цефалъ и Прокрисъ» ²⁾ участвовали:

Стефанъ Ражевскій (ц. Ерихтей)
Гаврила Марценкевичъ (Цефалъ)
Николай Ктитаревъ (Минось).

Какъ и въ первомъ приведенномъ нами списокѣ, здѣсь противъ именъ дѣйствующихъ лицъ помѣчено «придворныя пѣвчія», кромѣ Е. Бѣлоградской, кажется, первой пѣвицы въ придворной оперѣ ³⁾. Араповъ, добавляя сюда еще Степана Писаренка, называетъ исполнителей пѣвчими графа Разумовскаго, самого природнаго малоросса ⁴⁾.

Въ оперѣ кн. К. Д. Горчакова «Калифъ на часъ» въ числѣ исполнителей поименованы: Азерскій (Гіафаръ) и Соколовская (Фатъма), которые, можетъ быть, тоже малорусскаго происхожденія ⁵⁾. Придворными же пѣвчими представлены были опера «Танюша или счастливая встрѣча» (1756) И. Дмитревскаго ⁶⁾

ные пѣвчіе», при чемъ, какъ видно изъ выписки—женскія роли исполнялись мужчинами. Первое представленіе по Арапову, Лѣтопись р. т.—1759 г., по Лонгинову, Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ—1758 г.

1) Впоследствии извѣстный духовный композиторъ, р. въ Глуховѣ (1751—1825).

2) Въ Росс. Театрѣ ч. XVIII не датирована, стихотворство Сумарокова, муз. Арафа. Араповъ о, с., стр. 47—1755 г.

3) У Свѣтлова, тамъ-же стр. 94 ошибочно показана дочерью лютиста Бѣлоградскаго: она—дочь Мотониса, то же лютиста, вышедшая замужъ за Бѣлоградскаго; противъ ея имени въ списокѣ исполнителей какъ разъ нѣма обозначенія, что она—придворная пѣвчая.

4) Араповъ, Лѣтопись р. т., стр. 48.

5) Россійскій Театръ, ч. XXVI, 1788, стр. 68.

6) М. Н. Лонгиновъ, Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ, стр. 13. Ежегодникъ Имп. театровъ, тамъ-же, стр. 91—92.

и балетъ съ пѣніемъ «Прибѣжище добродѣтели» Сумарокова (около того же времени) ¹⁾.

XVII.

Но наряду съ вліяніемъ малорусскихъ пѣвцовъ, малорусская поэзія распространялась и инымъ путемъ, который прослѣдить нѣсколько легче, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ болѣе прочный матеріалъ. Это не разъ упомянутые выше рукописные, а также и печатные сборники пѣсенъ. Почти во всѣхъ сборникахъ, извѣстныхъ намъ, попадаются пѣсни искусственныя и народныя малорусскаго и польскаго происхожденія. Иногда онѣ подвергаются измѣненію въ самомъ текстѣ, что рѣже, а иногда только въ орфографіи, въ отдѣльныхъ звукахъ, вслѣдствіе неумѣнья великорусса передать оттѣнки малорусской рѣчи.

Къ числу сборниковъ съ значительнымъ количествомъ малорусскихъ пѣсенъ слѣдуетъ отнести рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. XIV, № 127, написанную въ концѣ XVIII в. Это богатое и рѣдкое по подбору собраніе любовныхъ романсовъ, арій, пѣсенокъ разнообразнаго содержанія и происхожденія. Изъ находящихся здѣсь пѣсенъ несомнѣнно малорусскаго происхожденія слѣдующія.

- № 5. «Великю теперь радѣть мою на примѣте»....
- № 6. «Добрѣ чюжю жонкѣ любити»....
- № 7. «Ой коли^т дождѣсь я весѣлова время»....
- № 8. «Пойдѣ в дѣброво^ткѣ глянѣ по свѣто^ткѣ»....
- № 16. «Векъ мой и жизнь свою плачу»....
- № 17. «Зѣло тяш^тко невидѣть к^то чего жаляетъ»....
- № 19. «Доля проклятая маті не[щасная]»....

1) Ежег. Имп. т., тамъ же, стр. 90.

- № 20. «Ухъ якъ тѣко на сер'дцѣ неволя»...
№ 26. «Ахъ какъ в свѣте несносно без' дръга ѿнѣ жити»...
№ 40. «Пьянѣ а идѣ моя голубонка»...
№ 44. «Бѣдѣ тер'плю мати тѣшкѣ»...
№ 45. «Ахъ бѣда на меня не сѣсѣдѣ блѣс'кѣ»...
№ 47. «Теперь же а радѣ, что послѣши' влѣ»...
№ 48. «Дай по саден'кѣ а хождѣ да ненахождѣся»...
№ 50. «Сердце пропало и шлюбовало что еѣ незабѣдѣ»...
№ 51. «Намигѣйшая товаришко моя»...
№ 52. «Единая ѿнѣ втѣха вспомню когда»...
№ 68. «Ахъ свѣте асны, что такѣ ѣчинивѣ»...
№ 71. «Развѣ вселюбезнѣйшая жалѣти незнаешѣ»...
№ 120. «На зорѣцѣ встанѣ, нарече'кѣ вѣзгляну»...
№ 121. «Да уже мои береже'ки вода понела»...
№ 146. «Гей гей гей, что девчинѣ стало»...

Запись этихъ, равно какъ и другихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ названный сборникъ, крайне небрежная; порой стихи не раздѣлены, кое-гдѣ допущены пропуски.

Въ рукописномъ сборникѣ пѣсенъ, принадлежащемъ намъ¹⁾, находятся слѣдующія малорусскія пѣсни:

- л. 6. «Гоминѣ, гоминѣ, по дубровѣ» (№ 14).
л. 14. «Во зеліономъ да лузѣ дѣвчина сидѣла» (№ 29).

1) Подъ № 7, 28 лл. въ продолговатую 4^о, на синей бумагѣ почеркомъ начала XIX в.; первые три листа оборваны, остались только обрывки, конецъ также утраченъ. Полностью сохранилось 46 пѣсенъ, изъ коихъ большинство великорусскихъ народныхъ и искусственныхъ, одна же — вѣроятно семинарскаго происхожденія, на латинскомъ языкѣ. Приводимъ начало: № 25.

Tu pernitie confecta
Eo contentus ne tiran,
Quod quiete mi adempta
Confecisti dolum iam (2)...

— всего восемь строфъ любовнаго содержанія, л. 12.

- л. 15 об. «Жито мати (2) жито не пшениця» (№ 33).
л. 18. «Ой на горѣ да женици жнуть» (№ 37).
л. 19. «Какъ посѣвъ мужикъ да у полѣ ячмѣнь» (№ 40).
л. 21. «Да на томъ боку Дунаю, Дунаю» (№ 45).
л. 22 об. «Добре жъ тѣя ляхи чиня^т, що не кумаються» (№ 47).
л. 23. «Да убивъ батько сою» (№ 48).
— *ibid.* «Ой за гаемъ, гаемъ, гаемъ зелененькимъ» (№ 49).
л. 24. «Дѣду жъ мой, свѣту жъ мой» (№ 51).
л. 24 об. «Да оравъ мужикъ при дороги» (№ 52).
л. 26. (Гей у поля вишня) № 55 — отрывокъ, безъ первыхъ двухъ стиховъ, но далѣе текстъ гораздо полнѣе чѣмъ у Прача, ср. изд. Суворина, стр. 137.
л. 28. «Звелѣла мнѣ маты да ячменю жати» (№ 58).
— об. «Оженився мужичокъ, да взявъ жинку любку» (№ 59) безъ конца вслѣдствіе утраты дальнѣйшихъ листовъ.

Къ пѣснямъ того же происхожденія слѣдуетъ причислить и помещенную на л. 17—18 подъ № 38: «Не прельщай меня драгая» — изъ «Москаля чаривныка» И. П. Котляревскаго.

При изданіи пѣсенниковъ, наряду съ любимыми аріями изъ комическихъ оперъ и великорусскими пѣснями, почему-либо имѣвшими извѣстность, издатели прошлаго вѣка включали въ пѣсенники и малорусскія пѣсни.

Въ Сборникѣ пѣсенъ, изданномъ Н. И. Новиковымъ въ 1780 г. находимъ слѣдующія пѣсни, числомъ 21:

Четвертая часть, № 132, стр. 118 «Ахъ! подъ вишнею,
подъ черешнею».

№ 51, стр. 54, «Игра въ карты безпокойна, а я игрокъ
бѣдный».

№ 55, стр. 58, «Возгласи курлю журавлю по воздуху».

№ 133, стр. 119, «Во городѣ во Кряковѣ».

№ 137, стр. 123, «Пьянъ я иду, моя голубонька».

№ 140, стр. 126, «Ой за вьяромъ дудка лежитъ».

- № 142, стр. 127, «Мандровала пахоля».
№ 143, стр. 128, «Виткиль идешъ? Отъ Дунаю».
№ 146, стр. 130, «У Глуховѣ у городѣ да й всѣ звоны звонятъ».
№ 148, стр. 132, «Да въ тихого Дунаечку».
№ 152, стр. 137, «Да орагъ мужикъ при дорозѣ».
№ 155, стр. 141, «Чи я жъ кому виноватъ».
№ 167, стр. 152, «Славши пугачъ на могила да вскрикнулъ онъ шугу».
№ 174, стр. 158, «Идетъ козакъ съ Украины, мушкетъ за плечами».
№ 176, стр. 159, «Самъ я не знаю, що чинити маю».
№ 180, стр. 163, «Скажи мнѣ соловейка правду».
№ 181, стр. 163, «Ой послала мене мати рыбы куповати».
№ 191, стр. 174, «Велѣла мнѣ мати зеленъ ячмень жати».
№ 193, стр. 175, «Переходомъ въ чистомъ полѣ заквитлы волошки».
№ 200, стр. 181, «Еще ль кони твои, Фебе... — искусственная вирша съ слѣдами малорусскаго происхожденія, напр.: похилило.

Въ шестой части того же пѣсенника нами отмѣчены лишь двѣ малорусскія пѣсн — обѣи, вѣроятно, искусственнаго происхожденія.

- № 116, стр. 104, «Стукнуло, грянуло въ лѣсѣ» — текстъ сходный съ рукописнымъ (см. выше, гл. XI), и —
№ 117, стр. 106, «О какъ наше на семъ свѣтѣ житіе плачевно».

Сверхъ того, нѣкоторыя пѣсни Новиковскаго сборника могутъ быть предположительно возведены къ польскимъ оригиналамъ; таковы:

- Часть IV — № 161, стр. 146, «Были у Литвинки (2) четыре дочки».

Часть IV — № 188, стр. 170, «Чечотка».

Часть IV — № 192, стр. 175, «Челомъ быю панове могиляне» — рассказъ пилигрима, напоминающій подобные же рассказы въ польскихъ интерлюдіяхъ XVII—XVIII вв.

Въ пѣсенникѣ «Молодчикъ съ молодкою на гуляньѣ съ пѣсельниками, поющими новыя пѣсни» 1790 г. помѣщенные тамъ малорусскія пѣсни выдѣлены подъ особымъ заглавіемъ (стр. 169 и слѣд.) и съ отдѣльной нумераціей. Всего здѣсь 15 пѣсенъ:

- № 1. «Била жинка мужика», (безъ заглава вступленія, которое находимъ и въ рукописи И. П. Б. Q. XIV, № 127 пѣсня № 40 и у Новикова—ч. IV, № 137).
- № 2. «Бѣду соби купила, да за свои гроши».
- № 3. «Стояла дивчина на валу».
- № 4. «Скажи минн, повидай».
- № 5. «Овечка косматочка».
- № 6. «Погнала дивчина ягняточки въ поле».
- № 7. «Сама я пшениченку жала».
- № 8. «Черешенька, вишенька, наробила лишенька».
- № 9. «Да ѣхавъ же козакъ изъ Украины».
- № 10. «Бувъ Сава въ Немировѣ у пана на обиди».
- № 11. «Темная да невидная ноченька».
- № 12. «Дай же минн Боже недиленьки дождаты».
- № 13. «Засвистали козаченьки въ походъ съ полуночи».
- № 14. «Послала мене маты зеленого жита жаты».
- № 15. «Кукурузы (з) дайте».

Кромѣ этихъ пѣсенъ съ большою вѣроятностью къ числу заимствованныхъ у поляковъ чрезъ малороссовъ можетъ быть отнесена пѣсня № 68, стр. 80 «Ты корчма (з)», рассказывающая, какъ проѣзжіе сманили дѣвушку-шинкарку.

Не приводя началъ пѣсенъ, укажемъ только, что напр.

въ сборникѣ Прача¹⁾ помѣщено 16 малороссійскихъ пѣсенъ (№ 135—150). Хотя г. Пальчиковъ, снабдившій перепечатку этого сборника предисловіемъ, и заявляетъ, что «настоящее изданіе составляетъ перепечатку второго изданія безъ всякихъ измѣненій, кромѣ исправленія самыхъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ въ текстахъ пѣсенъ» (стр. V), однако, что касается малорусскихъ пѣсенъ, то — отмѣтимъ мимоходомъ — онѣ напечатаны не только съ исправленіемъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, но съ прибавленіемъ новыхъ. Для будущаго изслѣдователя отмѣчаемъ здѣсь результаты сдѣланнаго нами сличенія:

№ 135. «Гей у поли вышня, чому не черешня... размѣръ [6+6]+[(4+4)+6]²⁾; оставлены ошибки Прача: берешня, черныя брови, одоете; а въ ст. 13 вм. котылися—катылися (однако ст. 15—котылися).

№ 136. «Ой не видтилъ мѣсяць свѣтитъ»..., разм. [(4+4)+6]²⁾ оставлено, какъ у Прача: зѣрки, и др.; поправлено: до чужою жинки; въ 4 ст. опущено «й»; въ 15 ст. вм. молодеце (е вм. рукоп. ѣ=и) — молоденька.

№ 137. «Чи тоя Кулина живе край дороги... разм. [6+6]+[(4+4)+6] вм. Гриценъка — Гриценка; вм. въ-вовторокъ — во-второкъ; спѣвае поправлено наспивае, но тутъ же — пѣсенъки и др.

№ 140. «Ой гай⁴ зелененькій»... разм. [6+6]+[(4+4)+6] оставлено, какъ у Прача: тогдѣ (=тоді), но изъ «минѣ» (опечатка вм. мені)—треба мене, а въ предпоследнемъ стихѣ «да и въ домѣ дбавъ» — превратилось въ «да и въ домѣ бизъ».

1) Русскія народныя пѣсни, собраныя Н. А. Львовымъ. Напѣвы записалъ и гармонизовалъ Иванъ Прачъ. Спб. 1896. Изд. А. Суворина. Первое изд. 1790, второе 1806, третье 1815.

№ 143. «Въ славномъ городи Переяслави» — вмѣсто «покопалы шанць», появилась безсмыслица «покопалы танць»; вм. въ ранць — вранць; вм. изъ — зъ. Ошибки Прача, вродѣ: козавъ, гамопити (вм. гомонити) — оставлены безъ исправленія.

№ 145. «Чи я жъ кому виновать...» — извѣстная въ XVIII вѣкѣ пѣсенка — напечатана не вся, а лишь первые три строки, тогда какъ у Прача — полный текстъ съ незначительными вариантами къ рукописному (см. у насъ выше, гл. XII).

Въ № 147 отмѣчаемъ, какъ и въ другихъ — произвольныя соединенія и раздѣленія словъ: вопросительное чи? присоединяется къ слѣд. словамъ.

№ 149. «Да просивъ мене Горасимъ⁴...»: пусты — и въ слѣд. строкѣ — пусты; кое гдѣ оставлено, какъ у Прача: підкройлы, но почему то поправлено подпоилы.

Такимъ образомъ перепечатка не вполне достигаетъ своей цѣли и не даетъ ни буквального повторенія текста Прача, ни исправленнаго, а между тѣмъ было бы полезно имѣть сводъ старыхъ малорусскихъ пѣсенъ, подобно тому, что мы находимъ въ трудѣ А. И. Соболевскаго относительно пѣсенъ великорусскихъ.

Въ изданіяхъ пѣсенниковъ XIX в. также не рѣдкость малорусскія пѣсни.

«Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ» вышедшій въ 1815 году въ пяти частяхъ, прибавляетъ сравнительно мало новаго къ тому запасу малорусскихъ пѣсенъ, который данъ старшими сборниками этого рода. Здѣсь мы встрѣчаемъ:

№ 2. «Бѣхавъ козакъ за Дунай».

№ 164. «Ой пійду я погуляю» — арія изъ 4 ч. «Русалки».

№ 306. «На бережку у ставка».

- № 307. «Гей орагъ мужикъ при дорозѣ».
№ 308. «Ой подь вишнею».
№ 309. «Чи я жь кому виновать»
№ 310. «Засвистали козаченьки».
№ 311. «Неходи Грицу на ту улицу».
№ 485. «Биду себѣ купила да за свои гроши».
№ 486. «Да ѣхавъ же козаченько изъ Украины».
№ 511. «Гей пидь горою, пидь ниревозомъ».
№ 512. «Приди, козаченько, приди».
№ 513. «Да була жь у мени жинка».
№ 514. «Ой ты дивчина, гордая пишина» (?—пишна).
№ 515. «Ой ты живешь на горѣ, а я пидь горою».

Чѣмъ позже — тѣмъ менѣе новаго находимъ мы въ пѣсенникахъ: при перепечаткѣ рѣдко дополняются они новыми малорусскими пѣснями. Часто, при большемъ общемъ числѣ малорусскихъ пѣсень, мы имѣемъ дѣло лишь съ повтореніемъ, сводомъ того, что извѣстно изъ предшествовавшихъ пѣсенниковъ въ отдѣльности.

У насъ подь руками «Новѣйшій полный и все общій пѣсенникъ»... Спб. 1818: здѣсь въ четвертой части встрѣчаемъ 27 малорусскихъ пѣсень¹⁾. Гораздо позже, въ пѣсенникѣ «Собраніе русскихъ пѣсень» О. М. Исаева²⁾ помѣщено 12 малорусскихъ пѣсень, причемъ многія изъ нихъ повторяютъ уже напечатанныя въ старшихъ пѣсенникахъ. И до сего дня въ народныхъ пѣсенникахъ лубчнаго изданія малорусскія пѣсни занимаютъ не последнее мѣсто.

Сравнивая приведенные списки малорусскихъ пѣсень съ тѣми отраженіями, которыя мы находимъ въ великорусскомъ

1) Нѣкоторыя очень любопытны по примѣчаніямъ, ведущимъ насъ еще въ XVIII вѣкъ: напр. IV ч. стр. 100, передъ пѣсней «На бережку у ставка»: «пѣсня сія была любимою князя Г. А. Потемкина; а по веселому своему голосу который начинается наилучшимъ въ музыкѣ, пѣта бываетъ всякимъ».

2) У меня подь рукой 9-е изданіе. М. 1856, 16^о.

пѣсенномъ обиходѣ нашего времени (эти отраженія отчасти указаны выше гл. IX), мы замѣчаемъ очень мало совпаденій. Отсюда, не безъ основанія можемъ сдѣлать выводъ, что преобладающее вліяніе въ повое время—съ начала XIX в. принадлежало не столько письменной, сколько устной традиціи. Что касается XVIII в.—данныя сборниковъ указываютъ и на присутствіе первой.

XVIII.

Интересно прослѣдить, какое вліяніе, въ смыслѣ созданія новыхъ образцовъ легкой поэзіи, оказала стихотворческая дѣятельность южно-русскихъ выходцевъ въ сѣверной, московской Россіи. Авторы—великоруссы для созданія пѣсенокъ, уже въ первое время появленія моды на нихъ въ образованномъ классѣ русскаго общества, берутъ за образцы вирши южно-русскихъ стихотворцевъ. Подражая имъ въ формѣ, отчасти и въ содержаніи, заимствуя обороты и мысли, повторяя даже малорусскія рѣзмы¹⁾, великоруссы можетъ быть и непредназначенно вносятъ въ модныя пѣсенки нѣкоторые народныя образы, повторяютъ то, что является обычнымъ въ народныхъ пѣсняхъ, какъ русскихъ, такъ и другихъ народовъ.

Какъ характерный образецъ такого явленія, можетъ быть названа одна элегія, очень близкая къ извѣстной элегіи Теофана Прокоповича «Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастіи». Эта передѣлка, извѣстна намъ въ рукописи второй половины XVIII в., но не подлежитъ сомнѣнію, что составлена она была гораздо ранѣе, еще въ то время, когда неизвѣстна была новая система стихосложенія, предложенная Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ.

1) См. напр. у кн. А. Кантемира въ его «Epidos consolatoria», гдѣ онъ, подражая Ѳ. Прокоповичу, допускаетъ рѣзмы: зяло — было, дмы — унымый, луху — утѣху и др. См. Соч. I, стр. 284, 289 и др.

Феофанъ Прокоповичъ, хотя и отзывается въ 20-мъ письмѣ иронически о стихотворствѣ¹⁾, однако самъ былъ не прочь отъ писанія стиховъ. Крайне враждебно настроенный по отношенію къ нему архіеп. Филаретъ пишетъ: «Изъ охлажденной эгоизмомъ души его, конечно, не могло изливаться истинно поэтическихъ пѣсней; все чего можно ожидать отъ него, — это сарказмы и остроты и развѣ подогрѣтыя страстями бѣдной души пѣнія»²⁾; однако нѣсколько ниже самъ отмѣчаетъ, что канты Ф. Прокоповича «долго пѣвались и духовными и мірскими въ собраніяхъ дружескихъ» — чего не было бы при отсутствіи въ этихъ стихотвореніяхъ правды и поэтическаго одушевленія.

Кстати приводимъ списокъ извѣстныхъ намъ латинскихъ и русскихъ стихотвореній Ф. Прокоповича.

Въ изданныхъ въ 1743—44 г. «Lucubrationes»³⁾ и «Miscellanea»⁴⁾, находится нѣсколько стихотвореній Феофана Прокоповича, изъ которыхъ мы можемъ заключать о его умѣннн владѣть латинскимъ и польскимъ стихомъ.

«Epinicio, «sive carmen triumphale» на полтавскую побѣду. Lucubrationes, p. 123—128 гекзаметръ.

«Epinicio, albo piesń tryumfalna o tey że przesławney wiktorii», *ibid.* p. 129—134. — польскій 13 сл. стихъ.

«Elegia eiusdem authoris, in qua divus Alexius voluntarii sui exilii seriem narrat», *ibid.*, p. 135—138.

«Laudatio Boristhenis ab eodem authore composita», *ib.* 139—140.

1) Epistolae Theophani Procopowicz. M. 1776.

2) Архіеп. Филаретъ (Гумилевскій), Обзоръ русской духовн. литер., изд. 3, 1884, стр. 298.

3) Lucubrationes illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopowicz, quae (praeter unam narrationem) iam orationes, iam poemata, iam epistolas in se comprehendunt. Nunc primum in unum corpus collectae et in publicam lucem editae. Vratislaviae. Apud Io. Iacobum Korn. MDCCXXXIII, p. 166. 8°.

4) Illustrissimi ac reverendissimi Theophani Prokopowicz Miscellanea Sacra, variis temporibus edita, nunc primum in unum collecta publicoque exhibita. Vratislaviae, 1744. Cura Iohannis Iacobi Kornii bibliopolae. Стран. 2 неч. + 298 in 8°.

«Ad augustissimum... imperatorem Petrum Secundum cum Mosquam tenderet insignia regni capessurus»—поздравительное стихотворение, *Miscellanea*, p. 150—153.

«Descriptio situs urbis Kiiiviae», элегическій разм. *ibid.*, p. 154—155.

«Elegia parenetica ad discipulum de servanda vitae integritate», *ibid.* p. 156—158.

«Elegia ascetica filii ad parentem, a vita monastica ad civilem se sollicitantem», *ib.* p. 159—160.

Изъ русскихъ стихотвореній Теофана Прокоповича известны по указанію издателей «Словъ и рѣчей» его 1760 г.:

Печатное:

- 1) Епінкионъ или пѣснь побѣдная на преславную побѣду полтавскую. Въ Киевопечерской Лаврѣ, іюля 10 дня 1709 г.

Въ рукописи:

- 2) Къ Петру Второму.
- 3) Къ творцу сатиры къ уму своему. 1728 г.
- 4) На 25 день февраля 1731 г.
- 5) На приходъ Государыни Императрицы Анны Іоанновны въ подмосковное село Владыкино 1732 г.
- 6) На Ладожскій каналъ. 1733 г.
- 7) На приходъ Государыни Императрицы Анны Іоанновны въ приморскую мызу 1734 г. (по Филарету—1733-г.).
- 8) О Станиславѣ Лещинскомъ. 1734 г.
- 9) Надгробная надпись діакону Адаму. 1734 г. (по Филарету).
- 10) Къ Лукѣ и Варлааму кадетскимъ. 1735 г.
- 11) Къ тѣмъ же того жъ года.
- 12) Благодареніе эконому Герасиму отъ служителей домовыхъ за нововымышленный солодъ: 1) отъ Илія

Интенданта, 2) отъ Неймана, 3) отъ учителя, 4) отъ козака, 5) отъ малыхъ дѣтей, 6) отъ новгородскихъ дворянъ. 1735.

- 13) Къ лихорадкѣ въ лихорадкѣ.
- 14) Преложеніе псалма 90.
- 15) Переводъ изъ книги четвертой 21 Марціаловой эпиграммы на Аеиста.
- 16) Переводъ Скалигеровой эпиграммы на сложеніе лексиконовъ.

Пѣсни:

- 17) «Кто крѣпокъ на Бога уповае»...
- 18) «О суетный человѣче, рабе неключимый»... (по Филарету 1724).
- 19) «Когда дождусь я весела ведра»... 1730.
- 20) «Прочь уступай»... 1730.
- 21) «Что мнѣ дѣлать»... 1734 ¹⁾.

Этотъ списокъ можемъ пополнить еще указаніемъ на стихотвореніе Ѳ. Прокоповича, написанное «его трудомъ (labore) на смерть Варлаама Ясинскаго; оно начинается: «Сѣнь и примракъ сѣни ста мертвеннаго тѣла» — и находится въ рукописи Кіево-Михайловскаго мон. № 569 (1718) л. 221.

Изъ всѣхъ этихъ стихотвореній лишь немногія пользуются широкой извѣстностью и распространеніемъ въ сборникахъ XVIII в. Вѣроятно поэтому П. О. Морозовъ, анализировавшій дѣятельность Ѳ. Прокоповича, какъ писателя, совершенно — и къ большому сожалѣнію — оставляетъ въ сторонѣ эту сторону его дѣятельности.

Сравнительно ббльшей извѣстностью пользовалось посланіе къ кн. Кантемиру и изъ кантовъ — элегія «Когда дождуся», вызванная, какъ выше указано, подражаніе.

1) Списокъ составленъ по указанію оглавленія ненапеч. трудовъ архіеп. Феофана при изданіи его «Словъ и Рѣчей» 1760—1774 г. Спб., т. I; дополненія по «Обзору» арх. Филарета.

Остановимся сначала на элегии Θ . Прокоповича. Она впервые была напечатана Н. С. Тихонравовымъ въ его «Лѣтописяхъ» ¹⁾, позже перепечатана съ исправленіемъ въ 11-мъ стихѣ ²⁾ и объяснена ³⁾ В. Я. Стоюнинымъ. Вотъ эта элегія для сравненія съ передѣлкой.

«Плачеть пастушокъ въ долгомъ ненастіи».

- 1 Коли дождусь я весела ведра
 И дней красныхъ?
 Коли явится милость прещедра
 Небесъ ясныхъ?
- 5 Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,
 Все ненастье,
Нѣтъ и надежды, о многобѣдно
 Мое счастье;
 Хотя жъ малую явить отраду
- 10 И поманить,
И будто [нѣчто] ⁴⁾ польготить стаду,
 Да обманеть.
Дрожу подъ дубомъ, съ крайнимъ голодомъ
 Овцы тають,
- 15 И уже весьма мокротнымъ хладомъ
 Исчезають.
Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
 Нѣтъ отмѣны,
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ

1) Лѣтописи р. лат. и древн. т. V, отд. III, стр. 37, по рукоп. XVIII в. И. П. Библ. Q. XIV, № 6.

2) «Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира», съ статьею и примѣч. В. Я. Стоюнина (ред. П. А. Ефремова). Спб. 1867, I, стр. 283.

3) Тамъ же, стр. XII; другія объясненія у П. О. Морозова, « Θ . Прокоповичъ какъ писатель». Спб. 1880, 378.

4) Вставлено Стоюнинымъ по догадкѣ и вполне оправдывается чтеніемъ другихъ рукописей.

20

И кручины.

Потчися, Боже, насъ свободити
Отъ печали,
Наши насъ дѣды къ тебѣ вопити
Научали.

Кромѣ рукописи, извѣстной Тихонравову и Стоюнину, эта элегія сохранилась въ рукописяхъ: И. П. Бябл. Q. XIV, № 19 л. 118 об. (до 1754 года), Q. XIV, № 128, л. 7, Q. XIV, № 2, л. 41 об. (на потахъ); Тверского Музея № 156 (3214) пѣсня № 23 ¹).

Смыслъ элегіи ясенъ, хотя и выраженъ иносказательно: поэтъ груститъ въ ожиданіи красныхъ дней для представителей науки и образованности въ Россіи, осиротѣвшей послѣ смерти Петра Великаго, но надеждъ мало на счастье. Съ каждымъ днемъ число ревнителей просвѣщенія (овець) таетъ, а пастырю ²)

1) Приводимъ варианты изъ первыхъ двухъ рукописей:

Q. XIV. № 19 л. 118 об., помѣчено: 3, заглавія нѣтъ, противъ четныхъ стиховъ—«2». Ст. 11—«бы то нѣчто поглотитъ»...; 12—«обманить»: 13—«а крайній»...; 16—«исчезаютъ»; 21—«По щися».

Q. XIV, № 128 л. 7 и об., помѣчено: 6, безъ заглавія, противъ каждого стиха «2». Ст. 11—«нѣчто поглотитъ»; 12—«обманить»; 13—«а крайній»...; 15—«ам ужъ»; 16—«исчезаютъ»; 17—«пятаы»; ст. 18—19 по недосмотру опущены; 20—«по щися»; 23—«к тѣбѣ вопѣти».

2) Ѡ. Прокоповичъ называетъ себя «пастушкомъ» согласно модѣ своего времени: Стефанъ Яворскій въ письмахъ къ Петру В. часто подписывался «Стефанъ, пастушокъ рязанскій». Валдайскій попъ, авторъ стиховъ «Предисловіе во привѣтство царскому величеству врученное 1718 года марта 19 дня» подписался: «всездостойнѣйшій пастушокъ Михайлъ валдайскій земле мещуся» Соч. А. Кантемира, I, стр. XLII; Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В. I, стр. 368 и 370. Эту тему—сравненіе духовнаго вождя съ пастыремъ, пастушкѣмъ стадо—встрѣчаемъ также въ одномъ стихотвореніи неизвѣстнаго мнѣ русскаго автора, вѣроятно, составителя учебника Риторика «Mercurius in regno acquisitae ferro libertatis neorhetoribus kiiowomohilaeanis liberam dicendi vocem surreditans». A. D. 1693. На л. 68 об. стихи на смерть архіеп. Лазаря Барановича:

Чисо радѣ сѣи Пастыръ стѣмъ свое стѣта?

Нан словѣннмъ оцѣамъ крашно недовѣтѣта?

Нан ѣ нипѣснѣмъ сѣдѣцѣ нашѣмъ нѣмѣта?

Тѣмъ же нѣо трѣкутѣ а тако дѣлѣ жѣмѣ.

Сѣи ѣ доврѣ нашѣ Пѣтѣрѣ, ѣши ѣ вѣмѣтѣ?

Но лѣбѣмъ нѣо ко нѣмъ не можѣтѣ вѣмѣтѣ,

(Феофану Прокоповичу) приходится дрожать за свою участь въ борьбѣ съ интригами старомосковской партіи, возродившейся по смерти Преобразователя; пятый день — пятый годъ по смерти его. Такимъ образомъ это — политическое стихотвореніе, выражающее вмѣстѣ съ тѣмъ угнетенное нравственное состояніе автора. Можно догадываться, что эта элегія — не единственное выраженіе грустныхъ мыслей Прокоповича: даровитый публицистъ, обладавшій недюжиннымъ литературнымъ и общественнымъ талантомъ, безъ сомнѣнія, и раньше пробовалъ свои силы въ сочиненіи стиховъ на подобныя темы.

Если наша догадка справедлива, то Ф. Прокоповичу принадлежит и польское стихотвореніе въ рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря № 526 (1748), разработывающее ту же тему о недовольствѣ міромъ, но безъ всякихъ политическихъ намековъ.

Вотъ это стихотвореніе, съ сохраненіемъ правописанія рукописнаго текста ¹⁾).

Cantus A: P. Procopowicz.

- л. 15 об. Czemu dusze moia tak tęskni myśl twoia'.
Często ciężko ięczy, a niewiem co dręczy.
Jak mam byc wesoła, niewidzę nic zgoła,
Coby mie cieszyło, a wszystko nie miło.
5 Na czym że ci chodzi, codzień słońce wschodzi.
Gdzie rzucisz wzrok chciwy, wielkie widzisz dziwy.

Понѣжи в'сегда своѣй славінай стада,
Ѣ в'ѣчнаго жала в' сохраниты глуда.

Рукоп. собр. кн. Вяземскаго Q. LXXXVI, четкой южнор. скорописью.

1) Сборникъ 1740-хъ годовъ; кромѣ этого стихотворенія, содержитъ: Трагедокомедію Г. Конискаго «Воскресеніе мертвыхъ» (л. 1—15 об.), и выписки изъ Филона (л. 60), Аристотеля (л. 59) и Марціала, напр :

Marcialis in Zoilum.
Mentitur qui te vitiosum Zoile dixit:
Non vitiosus homo, es Zoile vitium (л. 60).

- Rzekła hym, że grzechy nie dają pociechy,
Lecz krzyż Chrystusowy wybiła to z głowy.
Coż serce podżega? cożci tak dolega?
- 10 Coż tak ciebie trwoży y coraz bol mnoży?
Widzisz moy kochany, yak swiat iest zmieszany,
Do gury nogami, a na doł głowami.
Zła nieprawosc skacze, a niewinnosc płacze.
Czego kto nie widzi ten sam w sobie szydzi.
- 15 Coż nam po tym dusze, bo prawdą rzec musze,
Coż nam do cudzego, dobrego czy złego?
Jakaś moc takowa, prawie magnesowa
Cudze powodzenie kładzie na smucenie. ||
- x. 16. Nade wszystko boli, ze prawda w niewoli,
20 A prawda Bożego słowa niezmiernego.
Jawnie się to toczy lubo stulam oczy,
A serce się kraie, niewiem iak zyc daie.
To iedyno cieszy y w ifnosc nie grzeszy,
Ze zycia Bog strona ten całe pokona (?).

Приемъ—бесѣда со своей душой, умомъ—встрѣчающійся въ I сатирѣ Кантемира, яркое недовольство свѣтомъ, въ которомъ всё идетъ наоборотъ, порокъ торжествуетъ, а невинность плачетъ, страданіе за правду, находящуюся въ плѣну, въ неволѣ—все это позволило бы причислить это стихотвореніе къ числу произведеній Ѡ. Прокоповича, написанныхъ еще въ кievскій періодъ его дѣятельности. Оно дошло до насъ въ неisправной копіи; можетъ быть, кое-гдѣ и подправлено не въ мѣру усерднымъ писцомъ. Но настроеніе, общее съ первой элегіей, даетъ основаніе думать, что и это стихотвореніе, озаглавленное именемъ Прокоповича, хотя и съ странными «А. Р.»¹⁾ принадлежитъ этому автору.

1) Можетъ быть, заглавіе слѣдуетъ читать: «cantus Archiepiscopi Patris Proscopowicz» или «cantus A P[at]re Proscopowicz [scriptus].

Тяжелыя политическія обстоятельства пяти лѣтъ, протекших послѣ смерти Петра В., вѣроятно заставили Прокоповича вернуться къ темѣ о несовершенствѣ жизни и ея случайностей, разрушающихъ дѣло Преобразователя.

То же настроеніе—недовольство жизнью, исканіе лучшаго, отчаяніе найти его и т. п. находимъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенокъ XVIII в. съ особенной полнотою сгруппированныхъ въ любопытномъ сборникѣ И. Публ. Б. Q. XIV № 127, относящемся ко второй половинѣ XVIII в. Судя по его составу, текстамъ, по строенію стиховъ, многія изъ стихотвореній восходятъ къ началу вѣка¹⁾. Въ особенности это относится къ элегіи № 7, л. 10 и обор.

- л. 10 1 Ой коли^а дождѣсь я веселова время
 коли с' сердца з'бѣдѣ тяжестное бремя 2^а
 ой коли да дѣсь я весѣлы^а д'ней к'раны^а
 ой коли явит'ся мѣть небѣсь яс'ны^а 2^а
 б к'рѣго^а потемнѣла свѣта невидати
 грози^а небо г'нево^а до'га доб'ра ж'дати 2^а
 с'тою под'бѣмъ г'лежѣ перемѣны
 воз'вѣдѣ в'вѣр'хъ ой невижѣ ѡмѣны 2^а
 со все^а сторо^а тем'ный ѡб'лакѣ настѣпае^а
 10 стран'ными мо'нїи ѡжас'но блистаетъ 2^а
 трѣтїи днѣ в дороге невижѣ Ѡрады
 нетъ и прїятеля нески^а мѣть порады 2^а
 увы мнѣ с'тран'но бѣззащиты с'ща
 ѡвы нї ѡкѣда помощи ймѣща 2^а
 15 ой коли^б воз'мѣна мѣть пѣр'ья ѡрловы
 колибы достать мо'но крылья дадѣлевы 2^а
 полѣтел'бы тѣда кѣда мысл'ь с'правлае^а
 ой гдѣ мое сер'дце в радост'и жи^а чае 2^а
 трѣд'ная дорога й немѣтъ неба

1) Судя по сходству съ стихами цесаревны Елизаветы, Монса и Столѣтова, приведенными у Л. Майкова, въ Очеркахъ изъ исторїи русской литературы XVII и XVIII стол. 1889, стр. 212—216.

20 неля с'пѣшитъ с'кора кѣда мнѣ потреба 2^а ||
л. 10 об. Пробудися ꙗ сна совѣсть любѣзная
 . то'книся с' слезамъ в' двѣри небѣсная 2^а
 стань в надежде к'райней во'зови ко Богѣ
 Ѡ т'вою исправи в замысла^х дорогѣ. 2^а

Какъ и элегія Прокоповича о пастушкѣ, это стихотвореніе отличается малоруссизмами, обличающими его происхождение: мѣть порады 12, мѣть 15, справляе 17, чае 18, потреба 20. Сборникъ, а въ частности эта пѣсня, переписаны несомнѣнно великоруссомъ, о чемъ говорятъ многочисленные случаи аканья: веселова, потемнѣла, глежу и др. ¹⁾—и такимъ образомъ малоруссизмы принадлежать тому оригиналу, который послужилъ составителю сборника.

Сравнивая эту элегію съ элегіей Прокоповича, помимо общаго сходства въ построеніи, мы можемъ отмѣтить нѣсколько совпадающихъ выраженій, которыя показываютъ, какъ близко старался держаться своего образца авторъ подражанія: особенно сходны первыя четверостишія и 6, 8 стихи нашей элегіи съ 13, 18 ст. элегіи Прокоповича. Отсюда становится ясно, что подражатель въ первой части своего стихотворенія воспользовался нѣсколькими образами и выраженіями, заимствовавъ ихъ изъ литературнаго источника.

Что касается второй части элегіи ст. 15 — 24, то она заслуживаетъ также внимательнаго изученія.

Въ любовной малорусской пѣснѣ, какъ кажется, сложившейся не безъ вліянія искусственной школьной поэзіи, и дошедшей до насъ въ спискѣ начала XVIII в. мы имѣемъ параллель къ второй части анализируемаго стихотворенія:

Гди бимъ я мавъ орловіе крила,
Лѣтавъ бимъ до тебе, мила! (2)

1) Напр.: такова, грозить, постовляя, покожи, понела; кромѣ того — отечать, посклизнулся и пр.

Упавъ бимъ я да на твоимъ дворѣ,
Абимъ тебе обачивъ въ сѣкорѣ. (2) ¹⁾

Этотъ оборотъ, такимъ образомъ не чуждъ старинной малорусской поэзіи начала XVIII в., такъ же, какъ и первая часть подражанія.

Вторая часть, по заключающемуся въ ней обороту «ой коли бь возио на мѣть пѣрья ѡрловы» и т. д. примыкаетъ къ ряду народныхъ пѣсенъ, развивающихъ символъ: сильное желаніе, порывъ воли=полетъ птицы, ея крылья.

Въ развитіи и разработкѣ этого символа въ народной пѣснѣ наблюдаются три главныхъ момента:

1) просьба, обращенная къ голубю (или другой птицѣ) слетать къ милому (=милой, матери и т. д.)

2) желаніе просящаго имѣть самому эти крылья и быстроту птицы.

3) Превращеніе просящаго въ птицу: символически выраженное желаніе пріобрѣтаетъ конкретное реальное значеніе.

Въ результатѣ такихъ видоизмѣненій—забвеніе первоначальнаго смысла символическаго параллелизма и превращеніе образа—въ мифъ.

Для поясненія нашей мысли приведемъ рядъ примѣровъ, располагая ихъ сообразно намѣченному порядку.

1) Прежде всего укажемъ пѣсни, заключающія въ себѣ только намекъ на превращеніе: желаніе перенестись далеко; но за невозможностью этого, пѣвецъ обращается къ птицѣ съ просьбой помочь ему, напр.

Соловѣюшка премилый,
Ты вездѣ можешь летать:
Полетай въ страны веселы,
Въ славный городъ (лети) Ярославль,
Тамъ взыщи ко дружка милаго...

1) Рукоп. пѣсенникъ М. Грушевскаго, Сьпіванняхъ з початку XVIII в. (1717—27 гг.); см. Записки Науков. Товар. імени Шевченка т. XV, стр. 11.

Дѣвушка проситъ передать милому поклонъ и сообщить, что ее выдаютъ за старика ¹⁾... Въ нѣсколькихъ вариантахъ разрабатывается эта тема, и вездѣ неизмѣняемымъ, такъ сказать, центральнымъ пунктомъ пѣсни, сосредоточивающимъ вниманіе пѣвца, является это порученіе соловью, или голубю (№№ 286, 287, 288), хотя и мѣсто дѣйствія и другія подробности мѣняются (города Ярославль, Еруслань, Владимирь).

2) Герой пѣсни не удовлетворяется порученіемъ птицѣ передать интересующее его близкому лицу или посѣтить его. Герой самъ желаетъ имѣть крылья и перенестись, куда его влечетъ желаніе. Это положеніе изображается также въ пѣсняхъ, но не одного сюжета.

а) Въ сербской пѣснѣ о Косовской битвѣ разсказывается, что послѣ гибели сербскаго войска и стараго Югъ-Богдана съ девятью сыновьями—

«Бога моли Југовића мајка,
Да јој Бог да очи соколове,
И бијела крила лабудова,
Да одлети над Косово равно
И да види девет Југовића
И десетог стар-Југа Богдана ²⁾».

б) Въ рядѣ великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсень, а также въ литературной обработкѣ И. И. Дмитріева встрѣчаемъ такую пѣсню: дѣвушка выражаетъ желаніе слить себѣ легкія крылышки *изъ воску* и полетѣть туда, гдѣ милый (ср. въ элегии: *крылья дадѣлмы*, ст. 16). У Лаговскаго, на вопросъ:

«О чемъ милая моя тоскуешь,
Ну что сдѣлалось душа съ тобой?»..

1) Соболевскій, Великорусскія Нар. пѣсан т. II., стр. 234, № 285 и слѣд.

2) Вук Караџић, Српске народне пјесме, II, № 48.

дѣвушка отвѣчаетъ:

«Я солью изъ воска крылья,
Легки крылышки себѣ»... 1)

У Романова въ бѣлорусской пѣснѣ явно заимствованной у великоруссовъ:

«Превлестная дѣвчоночка, превлестила ты мене,
Жизнь наша съ тобой несчастная, што љлюбився
я љ тебе.
Не жалавъ ба больше щастя — сизы крылушки сабѣ,
Не медливъ ба часъ — минуты, стрепенувся бѣ,
полетѣвъ», —

сѣлъ бы Машѣ на правое плечо и распросилъ бы, любитъ она или нѣтъ 2).

Въ обработкѣ Дмитріева пѣсня состоитъ изъ трехъ строфъ, изъ которыхъ только послѣднія двѣ имѣютъ для насъ интересъ:

«Къ удаленію удара
Въ лютой злой моей судьбѣ,
Я слила бѣ изъ воска яра-
Легки крылышки себѣ —
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула,
Хоть однажды на него.
А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской,
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;

1) Лаговскій, Народныя пѣсни Костромской, Вологодской, Новгор., Нижегород. и Ярославской губ. Череповецъ, 1877, I, стр. 8, № 7.

2) Е. Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, Губ. Могилевская, вып. I—II. Кіевъ, 1886, стр. 112, № 32.

Возрыдала бѣ, возопила:
Добры люди, какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любяла...
Научите не любить» ¹⁾

Изъ сличенія съ народными пѣснями обработка Дмитриева поражаетъ своей искусственной сентиментальностью, но не подлежитъ сомнѣнiю, что въ ней мы имѣемъ повторенiе народнаго мотива. Дмитриевъ имѣлъ возможность воспользоваться какою-то недошедшей до насъ версiей пѣсни и обработалъ её по своему. Совпаденiе съ двумя, приведенными выше, народными пѣснями показываетъ, на нашъ взглядъ, что онѣ сложились въ значительной мѣрѣ подъ влiянiемъ обработки Дмитриева, которая могла проникнуть въ народъ еще съ конца XVIII в. чрезъ пѣсенники.

Пѣсенка Дмитриева была не единственной обработкой народно-поэтического образа: въ прошломъ вѣкѣ была еще въ модѣ другая пѣсенка, также сентиментальнаго характера: «Я птичкой быть желаю, вездѣ что бы летать», извѣстная по пѣсенникамъ («Молодчикъ съ молодой» Спб. 1790, № 23) и осмѣянная И. А. Крыловымъ въ комедiи «Пирогъ» (1801 г.) ²⁾.

Вышеприведенныя народныя пѣсни опираются, какъ на источникъ — на пѣсенку Дмитриева; независимы отъ этой послѣдней, а можетъ быть даже гораздо старше ея — пѣсни, перепечатанныя у Соболевскаго, т. V, №№ 100, 571, 572—581;

здѣсь — № 100:

Еслибъ я была вольною пташечкой...
...Кудабъ вздумала, туда бы и полетѣла...

1) Сочиненiя И. И. Дмитриева, ред. и примѣч. А. А. Флоридова, 1898. I, стр. 128—129. Впервые стихотворенiе напечатано было въ Московскомъ Журналѣ, 1792, ч. VII.

2) См. мою брошюру «И. А. Крыловъ, какъ драматургъ». 1895, стр. 31.

№ 571—573:

Кабы мнѣ молодчику нажить прежню волю,
Нажить прежню волюшку — мнѣ сизыя крылья
(Эхъ) взвился бы высоко я, улетѣлъ далеко.....

№ 574:

Больше счастья не желать бы —
Сизы крылушки имѣть....
Ужъ я взвился бы, опустился бы
Предъ сударушкой своей.....

Тоже съ передѣлкой рѣчи отъ лица дѣвушки, съ незначи-
тельными вариантами № 575, 576 —

№ 578—579:

...Кабы крылышки имѣла,
Такъ сейчасъ бы улетѣла....
...Если бъ были у меня сизы крылья
Сизы крылья, сизокрылышки
Сизокрылышки златоперья,—
Я взвилася бы высокохонько,
Полетѣла бы далекохонько.

Болѣе сходна съ пѣсенкой Дмитріева и, можетъ быть, по-
служила ей оригиналомъ пѣсня № 580, гдѣ:

....Я солью изъ воску крылья,
Легки крылышки себѣ,
Я взвилась бы, улетѣла
Жить на родину свою....

Какъ бы косвенное подтвержденіе нашего предположенія
находимъ въ угрорусской пѣсенкѣ, относящейся къ этому же
разряду:

«Ко былъ я мавъ курчи крыла,
Полетѣвъ бы тамъ, де мила,

Тамъ де мила ленокъ мочеть,
Заплакала чорни очи» 1)

Модный романсъ «Я птичкой быть желаю, вездѣ чтобы летать» и т. д. повліялъ на созданіе пѣсенъ того же собранія, т. V, № 577, гдѣ дѣвушка, жалуясь на покинувшаго ее милаго, говоритъ:

...«Желала бѣ эту птичку,
Чтобъ вездѣ могла летать;
Слетала бѣ въ ту сторонку,
Гдѣ мой милой живеть»...—

а также—№ 715:

...«Я бѣ желала себя вольной птичкой,
Я бѣ могла вездѣ летать,
Я бы всё-про-всѣ спознала»...

Варианты—№ 713, 714.

в) На границѣ между изображеніемъ въ пѣснѣ уже исполнившагося желанія и подготовительныхъ моментовъ находится символъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ. Здѣсь еще нѣтъ грубо-конкретнаго пониманія превращенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что при народной вѣрѣ въ «чары» возможно почти отождествленіе воображаемаго полета съ дѣйствительностью.

Эти пѣсни относятся къ разряду семейныхъ, описывающихъ тяжелую жизнь молодой въ новой для нея семьѣ мужа. Намъ извѣстны варианты великорусскіе, бѣлорусскіе, польскій — всѣ они очень схожи, порой до буквального совпаденія.

Великорусскій вариантъ содержитъ жалобу женщины: её выдали на чуждадельную сторонушку, гдѣ житье тяжело.

«Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертой къ матушкѣ пташкой полечу,

1) Угро-русскія народныя пѣсни, собр. Г. А. Девогланомъ. Спб. 1885, стр. 106.

Горемышной пташечкою кукушечкой.
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горячими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву».

Матушка спрашиваетъ у близкихъ, что это за пташка: родная сестра высказываетъ предположеніе, не старшая ли сестра ея залетѣла съ чужой стороны ¹⁾).

Почти буквально сходенъ съ великорусскимъ вариантъ Романова ²⁾, только съ нѣскольکو инымъ концомъ. Бѣлорусскій же вариантъ у Шейна ³⁾, съ инымъ запѣвомъ, относится къ послѣдней группѣ: здѣсь превращеніе высказывается уже не въ смыслѣ предположенія, желанія, а увѣренно, какъ возможный, и испытанный фактъ:

«Обернулася молодая
Сизою зязюлей...».

Польская пѣсенка сходна съ великорусскою и бѣлорусскою: мать выдала дѣвушку замужъ, велѣла навѣщать:

Przemienię ja się w siwą zezulkę
I tam polecę.
Siędę w sadeńku, przy liliu zioleńku
I kować będę.

Она жалуется сестрѣ, матери. Ее узнаетъ братъ ⁴⁾).

Тотъ же образъ молодой женщины, птичкой летящей къ ма-

1) Сахаровъ, Сказанія р. народа, т. I, кн. 3, стр. 208.

2) Романовъ, Бѣлор. сборн., вып. I—II, стр. 51; то же у Дмитриева, Собрание сказокъ, пѣсенъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, Вильно, 1869, стр. 68.

3) Бѣлорусскія пѣсни, собр. П. В. Шейномъ. Зап. Имн. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. V, стр. 524, № 419.

4) Pieśni ludu, zebrał Zygm. Gloger. Kraków, 1892, str. 192, № 68.

тери—въ малорусской пѣснѣ у Метлинскаго¹⁾, въ литовской— у Нессельмана²⁾.

3) Во время долгаго литературнаго существованія—въ устахъ или на письмѣ—обработокъ сказаннаго образа-символа, онъ постепенно принимаетъ конкретное реальное значеніе. Это видѣли мы въ помянутой пѣснѣ изъ сборника П. В. Шейна; тоже находимъ въ болгарской пѣснѣ сборника Безсонова: нѣкто Тиланъ сидитъ въ цареградской тюрьмѣ девять лѣтъ. Его мать, стосковавшись, покупаетъ восковую свѣчу, зажигаетъ её предъ иконой и молится Богу:

«Я създай мя Божне-ле...
...Какву мя годе гадинку»—

чтобы ей посмотрѣть, слетавши въ Цареградъ, на Тилана.

«Бре че тѣй съдѣ Господь да ю слушѣ,
Та ми ю създаде
Сиву—бѣлу гълубку.
Та си фрѣкну Тиланова та майчица,
Фрѣкну и подфрѣкну
Та на Цариградъ отиде,
Въ Цареграшки-тѣ тѣмници,
Та си кацнула, та гугомъ гугуваше
И дребне сълзе ронѣше...³⁾»

Сюда же можно отнести и пѣсню у Романова I—II, № 78, стр. 41 и О. М. Истомина, Пѣсни русскаго народа, 1899, стр. 255—6.

Съ теченіемъ времени первоначальный смыслъ образа-символа забывается, и поэты и народная фантазія подъ вліяніемъ

1) Метлинскій, 255.

2) Nesselmann, Lituanische Volkslieder, № 281; Потебня, Изъ записокъ по рус. грамм. I, 2-е изд., стр. 273.

3) Болгарскія пѣсни изъ сборника Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и др. болгаръ издаде П. Безсоновъ, вып. I, стр. 51 и сл., № VII.

представлений объ оборотняхъ, о зачарованныхъ и превращенныхъ людяхъ превращаетъ въ сказку то, что ранѣе служило только оборотомъ рѣчи, образнымъ выраженіемъ,—такъ сказать, оболочкою человѣческой мысли. Къ этому моменту развитія основного значенія анализируемаго образа-символа относятся такіе мифы, какъ сказаніе о Семирамидѣ, превратившейся въ голубя, которое со словъ Ктезія передаетъ Діодоръ¹⁾, и какъ граціозная повѣсть о Цейксѣ и Гальціонѣ, рассказанная въ «Метаморфозахъ» Овидіемъ. Къ подобнымъ же сказочнымъ обработкамъ, подъ вліяніемъ средневѣковыхъ вѣрованій въ чародѣйство слѣдуетъ отнести и эпизодъ итальянской новеллы о превращеніи дѣвушки въ птицу (ястреба) и обратное превращеніе съ помощью травы мелиссы²⁾.

Пѣсни у Gloger'a, o. s., str. 209, № 96 и I. Świątk'a, Lud nadgrabski, Kraków 1893, str. 193, № 22, а равно и руна 38 Калевалы, гдѣ также идетъ рѣчь о превращеніи дѣвушки въ птицу и др. животныхъ съ цѣлью избѣгнуть преслѣдованія молодца — къ нашему сюжету не относится; она примыкаетъ къ ряду рассказовъ и пѣсень о загадкахъ для испытанія ума и ловкости. О значеніи же подобныхъ загадокъ см. у Дикарева, О парскихъ загадкахъ, Этногр. Обозр. кн. XXXI (1896 г. № 4), стр. 1—64.

Подводя итогъ изслѣдованію второй части элегіи, составленной въ подражаніе элегіи Θ. Прокоповича неизвѣстнымъ авторомъ, заключаемъ, что, пользуясь въ первой части литературнымъ образцомъ, во второй онъ послѣдовалъ народной поэзіи и повторилъ одинъ изъ распространенныхъ образовъ ея—явленіе въ поэзіи XVIII вѣка не единственное. Сказанное относится, впрочемъ, не къ той поэзіи, которая блистала при дворѣ и слу-

1) liber II, cap. XX; Халатьянцъ, Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Москва. 1896, стр. 149 указываетъ и иную версію мифа о Семирамидѣ у армянъ.

2) А. Н. Веселовскій, Вилла Альберти, 270—272; здѣсь ко второй части указаны параллели у Бенфея и др.

жила верхнимъ слоямъ общества «сладкимъ лимонадомъ» въ лѣтній зной, а къ той поэзіи которая сохранилась въ рукописныхъ сборникахъ виршъ и пѣсенъ записанныхъ представителями мелкой, едва нарождавшейся интеллигенціи.

На образованіе разобраннаго символа-образа оказало значительное вліяніе древне-славянское воззрѣніе на душу ¹⁾, вполне анимистически-реальное, представлявшее её въ видѣ птицы, бабочки—вообще легкаго крылатаго существа. Это воззрѣніе отмѣчено въ трудѣ Аванасьева ²⁾, которымъ собранъ и богатый матеріалъ для его объясненія. Пользуемся частью этого матеріала, которая намъ можетъ быть полезна.

Въ Малороссіи записанъ Кулишомъ рассказъ старухи о томъ, какъ она обмирала: «якъ прійшла вже мини година вмирати, то Смерть и стала съ косою въ мене въ ногахъ... якъ замахне косою, то душа тилько пурхъ; такъ якъ пташка вилетѣла тай полетѣла по хати, и сила въ кутку на образи, пидъ самою стелею. А грихи стали на порози тай не пускають души съ хати. Отъ я бачу що никуди вѣйти; дивлюсь, ажъ вишко очинене. Я пурхъ у вишко! и пишла, пишла полемъ»... ³⁾

Душа вѣдьмы, возвратившейся съ ночныхъ походовъ, летаетъ около перевернутаго тѣла «то куркою, то гуською, то мухою, то пчелою», пока не попадаетъ въ тѣло, свое жилище ⁴⁾.

Душа казака прилетаетъ ко вдовѣ къ образѣ павлина; въ другой пѣснѣ—душу эту прилетающую въ образѣ птицы узнають по примѣтамъ:

Прелетѣла пташка, коло мене впала—
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана;

1) Такимъ его считаетъ Н. Сумцовъ, Культурныя переживанія, Кіевъ, 1890, стр. 238.

2) Аванасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, III, стр. 218—226; построеніе Аванасьева: душа—птица—быстрота—молнія—небесный огонь, оставляемъ въ сторонѣ.

3) Аванасьевъ, тамъ-же, стр. 220.

4) Канторовичъ, Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ, стр. 195.

Прелитила пташка — малевани крыльця;
Таки очи, таки брови, якъ у мого Гриця ¹⁾.

На Волини о душахъ умершихъ дѣтей рассказываютъ, что весной они слетаютъ съ неба, принимая видъ ласточки, конопляночки и другихъ пѣвчихъ птицъ и, сидя у отцовскихъ избъ, утѣшаютъ родителей пѣніемъ ²⁾.

Не будемъ приводить болѣе примѣровъ, устанавливающихъ связь сказаннаго воззрѣнія съ выше разобраннымъ символомъ (ср. данные примѣры съ пунктомъ 2, 3); упомянемъ, что подобное воззрѣніе свойственно и великоруссамъ и другимъ славянскимъ и неславянскимъ народамъ.

Вопросъ въ томъ, гдѣ искать источникъ этого воззрѣнія. Можно ли исключительно видѣть въ немъ результатъ анимистическихъ вѣрованій человѣка, стоящаго на первобытной ступени развитія, или—относительно славянъ, въ частности русскихъ, можно предположить какой-либо иной, болѣе поздній источникъ? Соберемъ здѣсь факты, опущенные изъ виду миеологами и этнографами.

Еще въ обширной Четвъ-Минеѣ, отрывокъ которой дошелъ до насъ въ Супрасльской рукописи, въ Мученіи сорока мучениковъ севастійскихъ читаемъ:

«прѣдаахъ доуша своа глаголюште. доуша наша яко п'тица избависа отъ сѣти ловаштихъ, сѣть съкроуши са и мы избавькни быхомъ... ³⁾

Въ поученіи св. Антонія о будущей жизни рассказывается о томъ, какъ по молитвѣ его къ Богу открытъ мѣста праведныхъ и грѣшныхъ ему было видѣніе: онъ увидѣлъ чернаго высокаго исполина, достигающаго до облаковъ; руки его были распростерты въ воздухъ, а подъ нимъ находилось озеро, какъ море. И видѣлъ св. Антоній, какъ души возлетали какъ птицы; которымъ

1) Аванасьевъ, стр. 223.

2) Тамъ-же.

3) Miklosich. Monumenta linguae palaeoslovenicae. W. 1851, стр. 59.

удавалось спастись отъ руки исполна, тѣ возлетали въ рай, а другія подъ ударами его рукъ падали въ озеро — въ адъ ¹⁾).

Этотъ исполнѣ, уловляющій души, встрѣчается и въ древнерусскихъ миниатюрахъ, скопированныхъ съ византійскихъ оригиналовъ, напр., въ лицевой Псалтири 1397 г. принадлежащей Обществу любителей древней письменности ²⁾).

Исаакъ Сиринъ, аскетическій писатель VII вѣка ³⁾, прямо утверждаетъ, что «дѣла животно пернато легко есть... ⁴⁾

Къ концу XVII в. подобныя мнѣнія нашли себѣ поддержку въ весьма популярномъ сборникѣ преимущественно аскетическаго содержания, переведенномъ съ польскаго—въ Великомъ Зерцалѣ. Здѣсь повторяется эпизодъ изъ разсказа о грѣшникахъ, видѣнныхъ св. Антоніемъ Великимъ (л. 215); здѣсь же приводится и разсказъ о пустынникѣ, которому ангелъ показалъ «многое множество духовъ злыхъ, иже по всѣхъ жилищахъ, яко мухи, летаху» (л. 51) ⁵⁾. Нечистая сила, злой духъ появляется также и въ Откровеніи Меодія Патарскаго: здѣсь антихристъ зачинается чудеснымъ образомъ отъ сатаны, вошедшаго въ птицу ⁶⁾. Въ этомъ, впрочемъ, памятникѣ сатана птица варьируется съ С. = рыба, сладкое благоуханіе — и такимъ образомъ данный эпизодъ примыкаетъ къ группѣ народныхъ сказаній, коренящихся въ средневѣковой вѣрѣ въ возможность чудеснаго, естественнаго зачатія ⁷⁾).

1) Полууст. рукоп. сборн. Кирилло-бѣлоз. библ. XV в. № 16 (1098), цитируетъ Тихонравовъ, Сочиненія, 1898, т. I, стр. 208.

2) Описана у X. Лопарева, Описание рукописей Имп. Общ. люб. др. писъм. I, стр. 7.

3) Русскіе списки его словъ съ XIV вѣка.

4) Рукоп. собр. кн. Вяземскаго XV в. Q. LV, л. 135.

5) Цитируемъ по рукоп. XVII в., собр. Буслаева № 124.

6) Истринъ, Откровеніе Меодія Патарскаго и апокр. видѣнія Данила. М. 1897, стр. 208; Веселовскій: Развитие христ. легенды, I, 72 (Ж. М. Н. Пр. 1879, май).

7) Въ «Физиологѣ», Карнѣевъ, стр. 288—302; зачатіе отъ солнца, яблока—Кирпичниковъ, Поэмы Ломб. цикла, стр. 195; отъ пшюли, отъ воды—Ольденбургъ, Буддійскія легенды I, стр. 49; отъ вихря, гороха, рыбы—

Въ одномъ изъ разсказовъ популярнѣйшей книги XVII—XVIII в., Синодика—души слугъ летятъ предъ господиномъ въ видѣ двухъ бѣлыхъ птицъ ¹⁾).

Воззрѣніе на душу, какъ на крылатое существо, и изображеніе ея въ видѣ птицы не чуждо было и западно-европейскому средневѣковому міру: въ мистеріи страстей при повѣшеніи Іуды изъ его платья вылетала птица-душа ²⁾).

Многочисленные примѣры народныхъ повѣрій, собранныхъ Аванасьевымъ ³⁾, совпадаютъ и въ общемъ и въ частности съ приведенными фактами изъ области средневѣковыхъ воззрѣній, распространявшихся нѣкоторыми памятниками переводной славянской литературы.

XIX.

Въ Трагедокомедіи о тщетѣ міра сего, составленной Варлаамомъ Лашевскимъ и репрезентованной въ академіи Кіевской ⁴⁾ около 1742 года, когда авторъ былъ въ Кіевской Академіи учителемъ пѣнатики, въ пятомъ явленіи встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто, касающееся литературныхъ упражненій студентовъ-стихотворцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ «пивоурѣзовъ»:

Романовъ, Бѣлор. сборн., вып. III, №№ 8, 18, 15; отъ яблока—Садовниковъ, Сказки, стр. 133, № 28; отъ съѣденной рыбы, Шапкаревъ, Сборникъ отъ бѣлг. нар. умотворенія, ч. I, отд. III, кн. 4, стр. 287, № 440. На такомъ сказочномъ основаніи создано негѣное мнѣніе расколоучителя Теофора о зачатіи Богородицею Христа чрезъ ухо (не символъ а реально) Бородинъ, Протопопъ Аввакумъ, стр. 204—5.

1) Е. Пѣтуховъ, Очерки изъ литературной исторіи Синодика. 1895, стр. 191.

2) С. Соловьевъ, Историко-литературныя этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ Предателѣ, вып. I. Харьковъ, 1895, стр. 81.

3) Аванасьевъ, Поэтическія воззрѣнія, III, 218—226; ср. также брошюру Я. Генерозова, Русскія народныя представленія о загробной жизни. Саратовъ, 1883, стр. 10 и сл.

4) Напечатана Н. С. Тихонравовымъ, Лѣтописи русской литературы и древности, кн. I, 1859 г. отд. III, по рукоп. И. Публ. библ. О. XIV, № 2.

Видѣть безъ слезъ немощно, что глаголы жизни
Нынѣшній вѣкъ приведе въ конецъ укоризны!
Елико кощунствуютъ кощуны безстудны,
Гдѣ канты слагають, гдѣ комплементы блудны,
Матерія съ Писаніи кощунамъ готова,
Въ кантахъ студныхъ начало отъ божіаго слова ¹⁾!

Что это были за «канты студныя», въ которыхъ матерія, взятая отъ Писанія, трактовалась такъ кощунственно, что попала въ обличеніе? Кіевскіе ученые литераторы, сами прошедшіе черезъ искусь ученичества въ Могиланской коллегіи, своевременно принимавшіе участіе въ пирушкахъ тогдашняго студенчества и въ его скитаніяхъ по кондиціямъ, а, можетъ быть, не чуждые и славленія благодѣтелей въ виршахъ, гдѣ сплетались порой образы библейскіе съ чудовищной по нашимъ понятіямъ лестью — эти литераторы, какъ въ данномъ случаѣ В. Лащевскій — прекрасно знали, что это за «студныя» и кощунственные канты воспѣвались современнымъ имъ юношествомъ.

Мы можемъ догадываться, что здѣсь рѣчь идетъ не о религиозныхъ пѣсняхъ, заимствованныхъ и переизданныхъ малоруссами съ польскихъ оригиналовъ — *pieśni pabożnych*; еще менѣе относится это осужденіе къ тѣмъ кантамъ, которые слагались самостоятельно. Къ формѣ ихъ, къ многословію и курьезнымъ пѣтическимъ вольностямъ въ XVIII в. привыкли, и пѣніе кантовъ вообще не могло вызвать такихъ нареканій.

А между тѣмъ существовали такія стихотворныя произведенія, которыя какъ разъ подходили подъ мѣрку, данную въ комедіи В. Лащевского. Это — шутивыя пьесы, въ которыхъ смѣшались библейскія событія и ихъ истолкованіе съ вульгарными

1) Тихонравовъ, тамъ же, стр. 15; комедія въ спискѣ Церк. Археол. Музея при Кіевской Дух. Ак. № 477 (В. 58) имѣетъ значительные варианты: напр. «гдѣ канты, комплементы слагаются блудны», «кощуномъ» въ нашемъ отрывкѣ. См. Н. И. Петровъ, Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в. Кіевъ, 1880, стр. 98.

пріемами грубой среды «пиво́рѣзовъ», странствующихъ дяковъ, которые, прежде чѣмъ прочно пристроиться гдѣ-нибудь на мѣстѣ и вступить въ члены клира, вели многобѣдную, скитальческую жизнь, разнообразя свое житіе впроголодь всевозможными продѣлками ¹⁾. Какъ въ малорусскихъ, такъ и въ польскихъ интерлюдіяхъ бакаляръ, дякъ—т. е. ученикъ, странствующій студентъ — существо веселое, беззаботное: онъ и поэтъ и актеръ ²⁾.

Въ этой-то средѣ и сложились первые опыты пародій, начинающія съ пародій на каноны ³⁾, кончая пьесами для представленій, виршами для пѣнія и интерлюдіями, въ которыхъ сами же дяки и выступали дѣйствующими лицами.

Къ числу такихъ пародій и относится издаваемое ниже стихотвореніе на Воскресеніе Христово.

Прежде чѣмъ перейти къ нему, обратимъ вниманіе на общія свойства подобныхъ произведеній.

Минуя каноны пиво́рѣзовъ, остановимся здѣсь на тѣхъ пасхальныхъ виршахъ, къ которымъ можетъ быть такъ-же примѣнена характеристика, данная В. Лашевскимъ.

Первымъ примѣромъ можетъ служить то стихотвореніе, которое издано нами подъ заглавіемъ «Скоморошья вирши» ⁴⁾. Оно дошло до насъ въ рукописи Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 214, относящейся къ половинѣ XVIII вѣка. Вирши составлены несомнѣнно малоруссомъ, на что указываютъ многочисленные случаи малоруссизмовъ: мене, спѣвають, опроводить, придавсь, по волѣкъ

1) Какъ напримѣръ бурсаки въ интерлюдіи къ пьесѣ М. Довгалева «Властотворный образъ», изданной нами въ «Ежегодникѣ Импер. Театровъ», сезонъ 1897—98 г. Прилож. кн. 1.

2) Ср. интерлюдіи къ пьесамъ М. Довгалева, Н. Петровъ, тамъ же П. Морозовъ, Исторія р. театра, т. I, и Windakiewicz, Pierwsze kompanie aktorów w Polsce. Kraków. 1893.

3) Напр. «Правило увѣщательное пияницамъ» 1779 г., рукоп. Церк. Арх. Муз. при Киевск. Дух. Ак. № 665.

4) «Скоморошья вирши по рукоп. половины XVIII в.» Спб. 1893. и «Ежегодникъ Импер. Театровъ»; сезонъ 1896—1897 г., приложенія.

и др., также рѣмы: кѣпѣти—биты, ничего (ничѣго)—никакого, имѣти—побѣдѣти и др. Эти данныя, а также изученіе состава довольно длинной вирши, привели насъ къ выводу, что: 1) сборникъ составленъ лицомъ духовнаго происхожденія (записи на л. 6: составитель молять Бога о здравіи «родителя іерея Іоанна» и братьевъ четцовъ) и, судя по многочисленнымъ случаямъ аканья—великоруссомъ, но авторомъ виршъ былъ малоруссъ и при томъ знакомый со школьной наукой; 2) вирши эти представляютъ собою образчикъ скоморошихъ, шутовскихъ монологовъ. То, что въ виршахъ встрѣчаются сходныя мѣста съ данными устной народной словесности, можетъ указывать на близость автора къ народной средѣ.

Не останавливаясь на этихъ параллеляхъ, съ достаточной полнотой указанныхъ при изданіи текста, напоминаю здѣсь вкратцѣ содержаніе виршъ.

Авторъ поздравляетъ съ наступленіемъ весны, изображаетъ, какъ различныя птицы и животныя радуются ея приходу. Затѣмъ онъ рекомендуется—не только философомъ и богословомъ, но и пѣвцомъ, могущимъ и партесъ воспѣвать и подиспутовать, а также и плясать по-итальянски, по-французски, по-казацки и по-цыгански. Во всей Москвѣ не найдется другого такого молодца. Между прочимъ онъ занимается и торговлей, но неособенно удачно, терпя иногда побой. Онъ недоволенъ городскими жителями, предпочитая сельскую простоту, и собирается итти на войну: его враги—не люди, а пироги, которымъ онъ отсѣкаетъ головы, лепешки, жареная говядина; медъ, пиво, ренское—все ему покоряется и двойное вино умираетъ отъ страха предъ нимъ. Онъ побѣждаетъ стаканы большіе и малые и предлагаетъ въ этомъ сейчасъ же убѣдиться. Но зрители не обнаруживаютъ такого любопытства. Авторъ объявляетъ о своемъ предположенномъ походѣ на шведовъ и поляковъ, а когда наловитъ послѣднихъ, то подаритъ зрителямъ. Онъ способенъ быть героемъ, ибо знаетъ благородное обхожденіе: умѣетъ обмануть, своровать, выторго-

вать. Въ заключеніе, изрекши сентенцію: «кто бо въ обманѣ всегда пребываетъ, тотъ съ душою и съ тѣломъ пропадаетъ», — авторъ выражаетъ желаніе, чтобы слушатели «возмогли всѣ грѣхи побѣдiti, какъ Христосъ нынѣ всѣхъ враговъ побѣдилъ, а насъ грѣшныхъ отъ грѣха и ада свободилъ», послѣдній стихъ — «а мнѣ за увеселеніе изволте по копеечкѣ дати», указываетъ на цѣль произнесенія подобнаго монолога.

Если мы прослѣдимъ составъ этихъ виршъ съ самаго начала, то найдемъ не мало параллелей и въ серіозной виршевой литературѣ. Къ началу укажемъ хотя бы слѣдующія стихотворенія, извлекая ихъ изъ рукописей XVIII вѣка. Первое — повидимому также школьнаго происхожденія:

1. . . . Весна ясна наступаетъ,
Земля травой обрастаетъ,
Веселитесь человецы.
Нынѣ радость,
Всѣмъ намъ сладость:
Поютъ дѣвы велегласно,
Поютъ птицы громогласно:
Веселитесь вся земная.
Торжествуютъ, ликуютъ
Все народы поднебесной,
Вся животна на вселенной:
В рекахъ рыбы в моряхъ киты.

Рукопись Церковно-Археол. Музея при Кіевской Д. Ак. № 473
(Муз. № 36) Сборн. псалмъ и кантовъ XVIII в. л. 23:

Второе извлечено изъ рукоп. Имп. Публ. Библ. О. XIV,
№ 20 XVIII в. пѣсня № 53:

2. Пасха нова красна!
Во'сня всемъ весна;
Пасха Христѣ гдѣ,
о' греха намъ свободь.

Христѣ воскресе днесь,
Пасха преславна есть,
Заченъ о^т востока
о^т раиска потока
о^т неба жизнь лить,
да того тварь поеть
земная тварь купно
Просить неотступно:
Звери рыбы в мори
скоты птицы горе ||
Христось ю прослави
бѣседою с нами:
на хвалу восходить,
всякъ умъ выпрь возводи^т;
все светло сияеть,
весь миръ озаряеть.
о^т оца снисходить
Паракли^т намъ сводить
агг^лския лица.
И раиска птицы,
чл^вцы гласно
приносятъ песнь красно,
вся темъ назидаютъ,
праздникъ составляютъ.

Тѣже мотивы и въ псалмѣ явно малорусскаго происхожденія:

3. Се нынѣ радость
Духовная сладость
Веселятся небеса
и радуется земля
Вкупѣ с чловѣки
С безплотными лики и т. д.—

очень извѣстной въ рукописяхъ (цит. ркп. К. Дух. Ак.) № 473
(Муз. 31) л. 56, ср. у Безсонова, Калики, № 409.

Та пародія, содержание которой мы выше привели, имѣеть съ названными виршами въ началѣ точки соприкосновенія; перечисленіе птицъ, звѣрей радующихся наступленію весны и Христову Воскресенію находитъ себѣ соотвѣтствіе въ небезызвѣстныхъ на Кіевской Руси польскихъ пѣсняхъ на Рождество, гдѣ подробно перечисляются всѣ птицы и описывается ихъ радость¹⁾. Къ концу скоморошьихъ виршъ мы найдемъ параллели въ также очень извѣстной въ рукописяхъ виршѣ:

4. «Въ день Христова возстанія ангель вопиеть,
 Адамъ ликуеть,
 Праздникъ свѣтлый родъ адамскій днесъ торже-
 ствуеть...

и т. д., гдѣ далѣе говорится объ изведеніи изъ ада праотцевъ.

Эта побѣда Христа надъ врагомъ челоуѣчества, особенно картинно изображенная въ Никодимовомъ Евангеліи (во второй его части) и въ обработкахъ его — въ «Словѣ о сошествіи во адъ Іоанна Предтечи» и въ «Словѣ Адама къ сущимъ во адѣ» — послужило темой для второго шутливаго стихотворенія, къ которому могли относиться ревнители, въ родѣ В. Лашевскаго, какъ къ кощунственной попыткѣ низвести съ высоты великое дѣло искупленія челоуѣчества и къ желанію представить самое событіе это въ смѣшномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ мы здѣсь имѣемъ одно изъ проявленій грубости той среды и того времени, когда сложены были эти вирши. Приводимъ ихъ полностью, сохраняя правописаніе и опуская только надстрочные знаки, по рукописи Имп. Публ. Библ. О. XIV, № 16, содержащей канты и псалмы 1760—1780 годовъ, гдѣ онѣ помѣщены дважды на л. 29 об. и л. 60. За основной текстъ беремъ второй, болѣе исправный; изъ перваго приводимъ варианты.

1) Такова *Pieśń o weselącym się ptactwie* въ «*Pieśni nabożne*», Grodno. 1829 г. и въ рукописныхъ канціоналахъ.

Днесъ наши ребята
в ¹⁾ сиони два браты
Не даютъ проходу
И зацка (?) ²⁾ ѡходѣ
дѣволѣ дѣрномѣ
дѣракѣ болномѣ,
дразна^т его мерзко,
что здѣла^т ѡ дерзко (2),

ибо хотѣ^т зѣлно,
да стало бездѣлно,
со Христо^м подратца,
а ³⁾ кѣды убратца,
не у зна^т дороги,
перелома^т ноги,
какъ бѣга^т во адѣ,
гѣкъ волкъ во ѡградѣ.

Мы что сотворили:
глиць наварили
сматкой какъ метали ⁴⁾,
в самой лобъ попали,
рога емѣ збили,
глаза заслепили:
теперь ⁵⁾ ѡнѣ неможе^т,
да Юдѣ гложе^т.

одинѣ удави^тса,
а дрѣгѣ ⁶⁾ убилса.
стали они сини
два сѣкинны сыны.

1) *Варианты* л. 29 об.—30: 1) опущено.

2) Въ обоихъ текстахъ одинаково; можетъ быть въ первоначальномъ текстѣ было «зацка» (?).

3) опущено.

4) бросали.

5) стерти.

6) другой.

а мы стали пѣти:
скѣрвы они дѣти!
Христа убожае,
а ихъ всѣ⁷ рѣгаемъ.

се ⁷⁾ лица красны
побѣдѣ ⁸⁾ согласны
знаменїа носимъ,
а у Христа просимъ,
симъ мѣки премноги,
а намъ лѣта многи
в радости пребыти
спасѣно пожити.

Эта грубая картина представляет собою вульгарную пародію на извѣстный эпизодъ упомянутыхъ выше передѣлокъ Никодимова Евангелїя, именно картину величественнаго сошествїя въ адъ Христа и пораженїя діавола, тщетно старающагося защитить свои владѣнїя отъ вторженїя освободителя плѣнныхъ имъ праотцевъ.

Что касается малорусскаго происхожденїя приведенной пародїи, о немъ говорить какъ общее сходство въ прїемахъ, такъ и немногочисленныя обмолвки, слѣды въ языкѣ: якъ, скурвы, можетъ быть и сомнительное «загна отходу» = благороднаго, приличнаго случая уйти. Остальное показываетъ, что эта пародїя существовала въ великорусскихъ сборникахъ довольно долго и подвергалась измѣненїямъ, приблизившимъ ея языкъ къ великорусскому.

7) все. 8) к побѣдѣ.

XX.

Въ цитированномъ нами, по поводу шуточныхъ пародій на религиозныя стихотворенія, эпизодъ комедіи В. Лащевскаго упоминается еще и о слагаемыхъ въ «нынѣшнемъ вѣкѣ» — т. е. въ первой половинѣ XVIII в. «блудныхъ комплементахъ». Въ главѣ, посвященной малорусскому влиянію съ XVII вѣка на Москву, указано было, съ какой жадностью русское общество въ первые годы послѣ реформы ловило всякіе опыты легкой поэзіи, и какъ даже уродливыя пѣсенки, въ родѣ сочинявшихся Тредіаковскимъ и другими, получали распространеніе и доставляли извѣстность своимъ авторамъ.

Здѣсь мы остановимся на одной такой пѣсенкѣ, къ которой болѣе чѣмъ къ другой подходятъ слова В. Лащевскаго: это одна изъ обработокъ странствующаго сюжета о любовникѣ, посѣщающемъ жену въ отсутствіе или безъ вѣдома мужа и платящагося за свои похищенія побоями.

Съ конца XVII вѣка въ Россіи была уже извѣстна одна изъ редакцій этого сюжета — въ переведенныхъ съ польскаго въ 1679 году «Факецыяхъ или жартахъ польскихъ» — представляющая не что иное, какъ переводъ второй новеллы седьмого дня Декамерона Боккаччо, чрезъ посредство польскаго перевода.

Вотъ эта небольшая «факецыя», озаглавленная — «о женѣ и госте», по рукоп. Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 12 л. 38 об. — 39¹⁾.

«Некій мужъ, отлучивыйся на время отъ дому, нечающей женѣ в домъ прииде; жена же безъ него гостя имѣеть, которой ея издавна потчивал; не имѣя же, гдѣ скрыти его; стояла полбочки вызбѣ, тамо его сокры; но ноги его не вмѣстишася, і видѣны быша; егда мужъ в ызбу вниде і вопросы, что сие, она же || не коснымъ вымысломъ сему забеже; милый мужу, глаголетъ,

1) При передачѣ раскрываемъ титла и опускаемъ надстрочные знаки; цитируемая рукопись писана скорописью Петровскаго времени.

человѣкъ сей полбочки сию торгуетъ и хочетъ купити и влѣзе в ню да же высмотритъ, нѣтъ ли щелѣй. продай ему ю, а намъ в ней мало пригоды. а ты, доброй человѣкъ, есть ли уже высьмотриль, Излѣзи и торгуй у господина; мужикъ излѣзе ис полубочки; господинъ не точию с нимъ сторговал, но отнести побосил; дивенъ в скоромъ домышленіи родъ женъскіи;

Того ради можеша мољвить смѣле:
ижъ жена хитрое зелье».

Другую разработку того же сюжета мы находимъ также въ переводномъ анекдотѣ, попавшемъ въ лубочныя картинки: это «Помѣха въ любви», крайне непристойнаго содержания ¹⁾.

Третья — давшая цѣлый рядъ народныхъ версій, имѣеть основаніе въ новеллѣ, помѣщенной въ извѣстномъ «Письмовникѣ» Курганова ²⁾, первое изданіе котораго, вышедшее въ 1769 г., повторилось еще десять разъ. Здѣсь подъ № 325 (стр. 253 — 261) рассказывается «Повѣсть о удаломъ молодомъ солдатѣ», который, попавъ переночевать въ домъ одного мѣщанина, замѣчаетъ въ его отсутствіе прибытіе къ хозяйкѣ любовника, котораго она угощаетъ. Когда неожиданно является мужъ, жена прячетъ любовника и ужинъ, а голодному мужу говорить, что нечего ѣсть. Тогда появляется солдатъ и, привѣтствовавъ хозяина, объявляетъ себя чародѣемъ, которому служатъ демоны. Очертивъ кругъ, онъ открываетъ (подсмотрѣвъ заранѣе), гдѣ спрятанъ ужинъ, а поужинавъ, показываетъ подъ видомъ служебнаго демона — спрятаннаго любовника хозяйки. Очень хорошо извѣстная въ средневѣковой Европѣ эта повелла была драматически обработана ³⁾. Въ русской народной словесности она отразилась

1) Д. Ровинскій, Русскія Народныя Картинки, т. I, стр. 357.

2) Пользуемся пятымъ изданіемъ 1793 г.

3) Она попала даже на кукольный театръ въ пьесѣ «Pulcinella nigromante» и «Nanawurst als Teufelsbapner». См. моя истор. очерки «Кукольный театръ на Руси», 1895, стр. 42—44, подробное содержаніе.

въ рядѣ сказокъ и пѣсенъ ¹⁾, а въ литературѣ художественной тотъ же сюжетъ, съ соответственными желанію авторовъ измѣненіями имѣемъ въ пьесахъ «Простакъ» В. А. Гоголя (отца ²⁾) и «Москаль Чарывныкъ» Котляревскаго ³⁾.

Вотъ рядъ такихъ произведеній, извѣстныхъ въ русской литературѣ съ XVII в. и отразившихся въ народной сказкѣ и пѣснѣ, и позволяетъ намъ измѣнить отчасти мнѣніе объ иностранномъ заимствованіи сюжета пьесы Котляревскаго. Въ одной изъ нашихъ замѣтокъ мы предложили поискать источниковъ этой пьесы на русской или польско-русской почвѣ и кажется небезосновательно. Обзоръ сказокъ—а ихъ всѣхъ, съ нашей замѣткой⁴⁾, указано нѣсколько ⁵⁾—позволяетъ думать, что Котляревскій воспользовался ходячимъ анекдотомъ, народной сказкой — что вполне возможно, ибо писатели XVIII в. гораздо ближе стояли къ простому народу, чѣмъ въ послѣдующую эпоху. Если же такое мнѣніе можетъ быть заподозрѣно за отсутствіемъ сходныхъ записей сказокъ XVIII в., то все-таки, при наличности факцій (которыя переписывались и передѣлывались до конца XVIII в.— Ср. списокъ Моск. Публ. и Рум. Музея, собр. Унд. № 890,

1) Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, I, стр. 103, № 12 и др. и «Пѣсни о гостѣ Терентьищѣ и родственныя имъ сказки» Н. О. Сумцова, М. 1892 (изъ Этн. Обзор. XII) и дополненія его, Этн. Обзор. кн. XVIII и Малинки; тамъ же, кн. XVI.

2) Н. О. Сумцовъ, Пѣсни о гостѣ Терентьищѣ, стр. 14.

3) Объ источникахъ этой пьесы см. проф. Н. Дашкевичъ, Вопросъ о литературныхъ источникахъ украинской оперы И. П. Котляревскаго «М. Ч.», Кіевская Старина, 1893, декабрь, стр. 451—482. Проф. Дашкевичъ устанавливаетъ зависимость этой пьесы отъ ком. оперы «Le Soldat magique», Paris 1760, но эта опера разрабатываетъ также, какъ и названныя нами нѣмецкая и итальянская пьесы, ту же новеллу, переданную позже у Курганова, и такимъ образомъ становится излишнимъ сблизать «М. Ч.» съ «Le Soldat Magicien», пьесой крайне рѣдкой, когда общераспространенный «Письмовникъ» съ его новеллой былъ почти у всѣхъ грамотныхъ въ рукахъ.

4) Къ изслѣдованію о литер. источн. оперы Котляревскаго «М. Ч.» Кіевская Старина, 1894, мартъ.

5) В. Ястребовъ, Варианты сказки о невѣрной женѣ, Кіевск. Ст. 1894, апрѣль, стр. 159; В. Боцяновскій, Къ вопросу объ источникахъ водевилля Котляревскаго «М. Ч.»; тамъ-же, 1894, октябрь, стр. 151.

1778 года), лубочныхъ картинъ съ текстами и наконецъ «Письмовника», Котляревскому незачѣмъ было далеко ходить за отысканіемъ такого сюжета, какъ тотъ, что разработанъ имъ въ «Москаль Чарывныкъ».

Къ тому же разысканія въ рукописяхъ XVIII в. показываютъ, что гораздо ранѣе Котляревскаго на тему, разобранную нами, создавались шуточные пѣсенки, помѣщавшіяся въ сборничкахъ наряду съ «блудными комплементами», т. е. любовными стихами. Такую пѣсню, явно искусственнаго происхожденія, съ рѣзко выраженными слѣдами малорусскаго языка, приводимъ здѣсь по рукописи Имп. Публ. Библ. Q. XIV. № 127, второй половины XVIII в.

л. 9.

1.

Добрѣ чюжю жон'кѣ любити
що в любви секретъ можетъ хранити
сердце свобод'но, к любви згод'но
бес' пѣремены.

б мысл'и спокойны, кохѣ свободны
без о'мѣны.

2.

л. 9 об.

Мѣжикъ пѣя скѣрвы сѣтъ спѣ не чюе,
да щѣ || жѣка со мною жертѣе,
каже налива по'ны вылива

10 в доб'ры приездны
о'камъ моргае, плѣча стис'кае
бѣз боязнь.

3.

На щѣ кра'ны хороша родилѣ
а к нашей п'релѣтѣ нахилѣлѣ.

15 нельзя любити бо станѣ бити,
коли поймають.

мѣжикъ побачеть, кѣемъ поначѣ
и полайтъ.

4.

А кали придетъ мѣжикъ до хаты
20 треба ўже ўтеcati
дѣбина шѣмѣ зо мною грѣмѣ
п'рило п'ропѣти,
коли мѣжикъ в рѣки на мѣки
мнѣ не впас'ти.

5.

25 Ахъ бѣди мнѣ с'чюжею женою,
що мѣжикъ гонѣтъ зо м'ною,
сѣхъ з' дѣбиною сѣковатою
по плѣча мерѣ
30 А прѣсегаю в'ногѣ кланѣюсь,
онъ не вѣритъ.

6.

А щожъ мнѣ бѣдномъ ўже дѣлати,
що чюже жѣдки нелзя кохати
лѣп'ше ѳстатѣ, свою сыскати
дѣматѣ с'танѣ.
35 на чюжѣ гѣмнѣ нетъ пожикъ мнѣ—
перѣс'танѣ.

Въ пѣсенкѣ этой изображаются похождения любовника чьей-то жены. Первый куплетъ звучитъ спокойной увѣренностью въ безнаказанности любви къ чужой женѣ. Мужъ пьянъ, не замѣчаетъ, повидимому, ухаживанья за его женой. Эта осторогаетъ своего ухаживателя, зная нравъ мужа. Но вотъ мужикъ вернулся не въ добрый часъ домой—приходится спастись отъ него; мужикъ бьетъ любовника суковатой дубиной, несмотря

на клятвы послѣдняго. Остается—благоразумно отказаться отъ ухаживанья за чужими женами и завести свою. Таковъ смыслъ этой пѣсенки, переписанной великоруссомъ: въ ней сильно слышится аканье; кое-что изъ малорусскаго оригинала осталось для составителя сборника непонятно, напр. вмѣсто пріязни—прие^дны 10 ст.; многимъ словомъ приданы слѣды великорусскаго произношенія—жонкѣ (вм. жінкѣ) 1, коха^ (вм. кохати) 5, побачеть 17, ѳтекати 20, кланьюсь 29; но кое-что осталось безъ измѣненія—нечюе 7, що 8, 13, 24, 31, 32, стискае, моргае 11, киемъ по^начи^ 17 и др. Размѣръ пѣсни, — въ которомъ основной группой являются 5 слоговъ: [(5 + 5)² + 5 + (5 + 5) + 5 *passim* 4], хотя намъ въ другихъ виршахъ XVIII в. не встрѣчался, но другія комбинаціи пятисложнаго стиха—не рѣдкость; наиболѣе же распространенной является схема (5+5)²; примѣры ея послѣдуютъ ниже.

XXI.

Нѣсколько выше (гл. XIII) было упомянуто о Почаевскомъ Богогласникѣ, какъ о немаловажномъ памятникѣ южно-русской виршевой поэзіи. Старѣйшій Богогласникъ, какъ намъ извѣстно, былъ напечатанъ въ Почаевской Лаврской типографіи въ 1790 году, 4^о 1). За нимъ послѣдовало изданіе 1805 года, сокращенное сравнительно съ первымъ 2), затѣмъ 1825 и 1850 годовъ 3).

1) Головацкій, Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго. Спб. 1874, стр. 37, № 169.

2) «Богогласникъ. Содержащъ пѣсни благоговѣйныя праздникомъ Гдѣскимъ, Бгѣршдичнымъ и нарочитыхъ стѣхъ чрезъ весь годъ приключаящимся. Для Оунитскихъ цркви». Почаевская Лавра 1805. Этимъ изданіемъ пользуемся ниже. За отсутствіемъ пагинаціи при цитатахъ обозначаемъ № пѣсни; правописаніе упрощаемъ.

3) Головацкій, Дополненія, стр. 44, № 248 стр. 60, № 410; «Очеркъ» Ундольскаго, 1871, столб. 364, № 60.

Содержаніе Богогласника представляется особенно важнымъ и интереснымъ потому, что этотъ сборникъ является какъ бы итогомъ религіозно-поэтической работы XVIII-го а отчасти, можетъ быть, и XVII вѣковъ. Изъ ниже предлагаемаго обзора можно убѣдиться, какъ разнообразно это содержаніе: можно узнать, кто былъ вкладчикомъ и въ какомъ отношеніи находится Богогласникъ къ сборникамъ виршъ и псалмъ XVIII в., изъ которыхъ мы извлекли выше нѣкоторые матеріалы.

Изъ краткаго предисловія цензора, Валеріана Сіенѣцкаго, видно мнѣніе духовнаго начальства о важности этого сборника религіозныхъ стихотвореній, который ...«паче украшенію праздниковъ церковныхъ, прославленію величій Божіихъ, исправленію человѣческихъ обычаевъ и возбужденію святоблываго народа ко благоговѣнству, умиленію души и различнымъ добродѣтелямъ благомошно быти можетъ». И дѣйствительно, составъ сборника таковъ, что въ смыслѣ строгости и серьезности стихотвореній Богогласникъ значительно превосходитъ современные ему и позднѣйшіе сборники польскихъ *pieśni pabożnych*, среди которыхъ порой проскальзываютъ—вѣроятно по наивности составителей—стихотворенія и пѣсни, отнюдь не могущія претендовать на «возбужденіе къ благоговѣнству». Что касается до поэтическихъ достоинствъ пѣсней, вошедшихъ въ составъ Богогласника, то съ современной точки зрѣнія они не велики; но, если сравнить ихъ съ массой виршъ въ рукописныхъ сборникахъ, то пѣсни Богогласника выгодно отличаются правильностью и разнообразіемъ размѣровъ. Громадное большинство пѣсней (изъ 250—216) на славянскомъ языкѣ съ сильно замѣтнымъ влияніемъ польскаго и малорусскаго языковъ. Вліяніе перваго сказывается главнымъ образомъ въ словарномъ отношеніи, вліяніе второго—въ фонетикѣ, въ построеніи рѣмы, (напр. плоды—Господи, мѣрѣ—мѣри и т. п.) рѣже—въ формахъ: умерти и др.

Предисловіе отъ лица составителей, иноковъ чину св. Василия Великаго, даетъ небезынтересныя разъясненія чѣмъ руко-

водились они при выборѣ пѣсенъ изъ почти безбрежнаго моря стихотворныхъ упражненій южно-русскихъ поэтовъ:

«*Многія* въ честь всемогущаго Бога, пречистыя Богоматере и святыхъ его угодниковъ отъ различныхъ стихотворцевъ и пѣснописцевъ искони сочиненныя *въ міръ изыдоша тѣми, но иныя въ правду худо и неискусно составленныя быша*, того ради весьма отринувенныя и непотребныя явишася; иныя аще искуснѣ и мудрѣ составишася, но не бѣ мощно увѣдати приличнаго имъ гласа, убо и тыя къ прочтенію токмо, не къ пѣнію послужиша; иныя въ конецъ добрѣ сочиненныя и по своему гласованію увѣданныя бяху, обаче егда писменемъ отъ единаго другому пѣвцу предаватися начаша, чрезъ ненаказанныхъ писцевъ тако повредишася, яко не токмо стіхи ихъ слоговъ, но ниже удобна разумѣнія своего возымѣша». Вслѣдствіе этого издателямъ пришлось не только собрать уже готовое, но «разсматривати художество, достигати намѣренія мыслей, *елико мощно исправляти*, слоги стіхомъ изобрѣтати, *многая нова ветхыи прилагати*», и такимъ образомъ пѣсни эти уподобляются краснорѣчивымъ составителемъ предисловія — снѣди приготовленной съ новыми приправами, одеждѣ перешитой и обновленной, серебру, очищенному отъ потемнѣнія огнемъ. И дѣйствительно, вкусъ въ смыслѣ сближенія съ католическими гимнами измѣнился, а главное — измѣнилась, какъ увидимъ изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ стихотвореній, и внѣшность, форма ихъ, а отчасти вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе, и многія изъ нихъ, дѣйствительно, похожи на новую одежду, сшитую изъ лоскутковъ старой.

Далѣе слѣдуетъ увѣщаніе о пользѣ пѣнія благочестивыхъ пѣсенъ: ими украшаются праздники церковные, воздается честь Богу и т. д.; но самое важное — это то, что «пѣснопѣнія ради мнози могутъ убѣжати тщетныя праздности въ дни недѣльныя и святыя, изволяюще паче сему присутствовати, нежели сквернымъ игралищамъ, баснемъ, смѣхотвореніямъ, плясаніямъ, пятакамъ, сваромъ и инымъ непреподобнымъ дѣломъ»... Свѣтское пѣніе, пляски, веселье — здѣсь также, какъ и

въ памятникахъ старинной православной литературы, порицается, но не голословно, а предлагается пѣніе псалмъ, вмѣсто пѣсень, игръ и плясокъ. Такимъ образомъ, точка зрѣнія составителей Богогласника близка и даже совпадаетъ съ точкой зрѣнія на пѣсни С. Полоцкого, перваго, предложившаго русскимъ любителямъ поэзіи религіозно-нравственныя псалмы вмѣсто народной, «бѣсовской», по мнѣнію старыхъ книжниковъ, пѣсни ¹⁾).

Въ заключеніи своего труда, въ стихотворномъ «Пристегненіи» (последняя предъ оглавленіемъ страница) составители, повторяя мысли предисловія, объясняя и способъ чтенія и пѣнія стиховъ, указываютъ и тѣ погрѣшности, которыхъ не удалось избѣжать при печатаніи:

...«Въ семь ветхія и новія обрѣщещи себѣ,
И старѣйшимъ и юнѣйшимъ угодили требѣ.
Вся суть стройни в ѳрмолойни тони, на чертъ чтири,
Токмо сія тупграфія имать характѣри,
Сі есть: такти, полутакти, четверти, единожди
Ломанія, не инія, да увѣси кождѣй.
Где оѣи в согласіи разнствують отъ черти,—
Дѣли такти на полтакти, полтакти на четверти.
Гди ни тако, но инако есть ти пожеланно:
Не горѣ, но добрѣ пѣти невозбранно.
Нѣгдѣ явѣ во исправѣ теѣти небреженни
Быти зрятся, да не мнятся зѣло поврежденни...

Слѣдуетъ обычное извиненіе и совѣтъ воспѣти пѣсни «красно и согласно».

Такимъ образомъ Богогласникъ предлагаетъ читателю тексты благочестивыхъ пѣсень въ исправленномъ видѣ. Тексты эти переходили изъ печатной книги въ народную массу, въ завѣтныя тетрадки и имѣли свою дальнѣйшую исторію. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы имѣемъ цѣлью собрать данныя объ авто-

1) См. выше, гл. XIII.

рахъ, внесшихъ свой вкладъ въ Богогласникъ, изучить отноше-
нія текстовъ пѣсенъ Богогласника къ тѣмъ, которые сохрани-
лись въ рукописяхъ XVIII в., и наконецъ, по возможности на-
мѣтить дальнѣйшій путь религиозныхъ виршъ—въ народъ.

XXII.

Пользуясь указаніями, которыя даетъ намъ Богогласникъ,
а также записями при отдѣльныхъ псалмахъ, или пѣсняхъ
религіознаго содержанія, попробуемъ привести въ извѣстность
авторовъ, участвовавшихъ въ составленіи того обширнаго ре-
пертуара пѣсенъ этого рода, какой находимъ въ названномъ
сборникѣ и во множествѣ рукописныхъ «кантовъ и псалмъ».

При разысканіи авторовъ большое значеніе имѣетъ обычай
старинныхъ западнорусскихъ поэтовъ составлять свои стихо-
творенія въ формѣ акростиха, при чемъ иногда акростихъ даетъ
имя или фамилію автора, а иногда—и то и другое.

Къ сожалѣнію при позднѣйшей передѣлкѣ—а передѣлкамъ
вирши подвергались не разъ—акростихъ разрушался, и имя
автора терялось.

Да и вообще такихъ пѣсенъ или псалмъ съ акростихами—
замѣтное меньшинство: изъ общаго числа 300 пѣсенъ, заклю-
чающихся въ Богогласникѣ, только 28 имѣютъ имя автора. Рас-
полагая по алфавиту, получаемъ слѣдующее:

I. Творецъ *Андрѣевскій* по краегранесію:

1) Пѣснь ѿ. о смерти (№ 234)

Нач.: «Ахъ смотри, кто живъ, на преждный мой
вѣкъ»...

II. Творецъ *Бардинскій* по краегранесію:

1) Пѣснь ѿ стѣтелю Хрѣтову Ніколаю (№ 174) (опечаткой
147)

Нач.: «Болша пѣсть земнымъ оборона»...

III. Краегранесіе: *Василій*.

- 1) Пѣснь б̄ молитвенная къ Прѣстѣй Дѣѣ Бѣгородицѣ (№ 137)

Нач.: «Всѣхъ Царице, Владычице»...

IV. Творецъ *Венедиктъ* по краегранесію:

- 1) Пѣснь в̄ на бѣговѣщеніе Престыя Бѣды (№ 99)

Нач.: «Взбранная Дѣва Мати, Пучино благодати»...

V. «Творецъ *Іоаннъ Волскій* по краегранесію»:

- 1) Пѣснь на Богоявленіе Гн̄е: (№ 27 г)

Нач.: «Иордане уготовися, Іоанне скоро спѣшися»...

- 2) Пѣснь г̄ на Воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста (№ 73)

Нач.: «Истинна радость Крестъ Хр̄та»...

- 3) Пѣснь а̄ на Покровъ Прѣстыя Бѣды (№ 84).

Нач.: «Воспойте согласно пѣснь нову прекрасно»...

- 4) Пѣснь Прѣстѣй Дѣѣ Бѣды, Струмѣлово - камянецкой (№ 132).

Нач.: «Исполнися небо, земля чудесъ твоихъ Царице»...

VI. «Творецъ *Іоаннъ Гешикій* по краегранесію»:

- 1) Пѣснь б̄ на Воскресеніе Іисъ Хр̄тово (№ 49).

Нач.: «Іерусалме свѣтелъ надъ звѣзды днесъ буди»...

VII. «Творецъ *Лукашъ Длѡнскій* по краегранесію»:

- 1) Пѣснь в̄ покаянная, в ней же душа ѡкаеваетъ тѣло, а тѣло душу ѡ грѣсѣхъ (№ 215).

Нач.: «Лакнущій свѣте чемъ на грѣшники такъ зѣло чатуешь?»...

VIII. «Творецъ *Достоевскій* по краегранесію»:

- 1) Пѣснь ҃ покаянная (№ 216).
Нач.: «Да прійдетъ нынѣ радость новая»...

IX. «Творецъ *Іаковъ Кулчицкій* по краегранесію»:

- 1) Пѣснь ҃ Стѣителю Хртову Николаю архіепу мѣрѣ лѣ-
кійскихъ чудотворцу (№ 169).
Нач.: «Явный всему міру благодѣтелю»...

X. «Творецъ *Димитрій Лесковскій* по краегранесію»:

- 1) Пѣснь ҃ Стѣѣ Бѣгбѣемъ Іоакиму и Аннѣ (№ 145).
Нач.: «Днесъ торжествуимъ вси празднующе»...
- 2) Пѣснь Прѣбной Матери Параскевѣ (№ 149).
Нач.: «Любовію и со страхомъ вси днесъ прибѣгаймо»...
- 3) Пѣснь ҃ Стѣому Великочѣнку Димитрію (№ 150).
Нач.: «Ликуй днесъ весело Греція»...
- 4) Пѣснь ҃ Стѣимъ Безсребреникомъ и чудотворцемъ Космѣ
и Даміану (№ 155).
Нач.: «Люту бывшу гоненію отъ Діоклитіана»...
- 5) Пѣснь ҃ Стѣимъ Верховнымъ Апѣломъ Петру и Павлу.
(№ 201).
Нач.: «Днесъ вси христіане радостно ликуютъ»...

XI. «Творецъ *Іоаннъ Мاستиборскій* по краегранесію».

- 1) Пѣснь ҃ на Воскресеніе Іисъ Хртово (№ 50).
Нач.: «Играй Іерусалѣме новый»...
- 2) Пѣснь ҃ Мѣтвенная къ Престѣѣ Двѣ Бѣди (№ 141).
Нач.: «Играй свѣте и веселися»...

XII. «Творецъ *Мишковскій* по краегранесію»:

- 1) Пѣснь ҃ Святителю Хртову Іоанну Златоустому
(№ 162).
Нач.: «Мысль и разумъ земный не достиже»...

XIII. «Творецъ *Іоаннъ Моравскій* или *Муравскій* по краегранесію»:

1) Пѣснь на нед. 5-ю великопостную: (№ 43).

Нач.: «И кто жъ такъ запомнѣлъ!»...

2) Пѣснь ѿ на Воскресеніе Іисъ Хрѣтово (№ 55).

Нач.: «Іерусалиме днесъ празднуй радость великую»...

3) Пѣснь ѿ стителю Хрѣтову Нѣколаю (№ 170).

Нач.: «Изливаеми чудеса міру»...

XIV. «Творецъ *Василій Тарнавскій* по краегранесію»:

1) Пѣснь ѿ на Введеніе Престѣны Бѣны (№ 89).

Нач.: «Въ Соломоновой церкви явися»...

2) Пѣснь стѣмъ трѣмъ святѣтелемъ: Василію Великому, Григорію Бѣгослову, и Іоанну Златоустому (№ 185).

Нач.: «Торжественно воскликните»...

XV. «Творецъ *Іеромонахъ Димитрій* по краестрочію»:

1) Пѣснь ѿ Воздыхательная ко Гдѣ Іису Хрѣту. (№ 243).

Нач.: «Іисусе прелюбезный сердцу сладосте»...

XVI. «Краегранесіе: *Димитрій*»

1) Пѣснь ѿ на Воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста (№ 72).

Нач.: «Древо трѣсвятое бѣсомъ ужасное»...

Стихотвореніе св. Димитрія Ростовскаго (XV, 1.) выгодно отличается отъ произведеній названныхъ выше стихотворцевъ своею искренностью и свѣжестью чувства. Оно кратко — риторическія украшенія въ немъ отсутствуютъ и чувствуется, что авторъ, хотя, можетъ быть, заимствовалъ мысли или, можетъ быть, даже переработалъ уже готовый матеріалъ, но этой переработкѣ чужда манерность и многословіе, обычныя почти у всѣхъ авторовъ — базилианъ.

XVII. Пѣснь в̄ въздыхательная ко Господу Іисусу Хр̄сту (№ 224):

Нач.: «Іисе мой пресладкій и Творче свѣта»—

принадлежащая нѣкому іеродіакону Герасиму такъ передѣлана, что акростихъ его совершенно изгладился ¹⁾.

Что касается стихотворенія XVI, 1 — съ акростихомъ «Димитрій», то по изложеннымъ сейчасъ причинамъ сомнѣваемся признать его за твореніе св. Димитрія.

Кромѣ названныхъ стихотвореній, подписанныхъ ихъ авторами, «инокамъ чину св. Василія Великаго» принадлежитъ немалое количество виршъ на церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ. Таковы слѣдующія:

1) Пѣснь а̄ Престѣй Бѣѣ Чудотворной во стой Обители па-чаевской, року ,аѣог. Ватиканскими Діадимами Народно Увѣнчаннѣй (№ 110).

Нач.: «Многими усты Гласи испусти»...

2) Пѣснь г̄ Престѣй Богородицѣ Чудотворной Почаевской (№ 112).

Нач.: «Вселенныя вся страны земляне»...

3) Пѣснь з̄. Престѣй Бѣѣ Чудотворной Почаевской (№ 115).

Нач.: «К тебѣ Бжїя мати приобѣгаемъ»...

4) Пѣснь з̄. Пресвятѣй Бг̄ородицѣ Чудотв. Поч. (№ 116).

Нач.: «Преч̄тая Дѣво Мѣи Рускаго краю»...

5) Пѣснь ѓ̄. Пресвятѣй Бг̄ородицѣ Чудотв. Поч. (№ 118). Ѡ избавленіи помощію ея от повѣтра мороваго, бывшаго в г̄ѣто ,аѣо.

Нач.: «Нынѣ прославися Почаевска скала»...

6) Пѣснь Престѣй Бѣѣ Чудотворной въ Обители Подгорецкой на Пльснису Ч. С. В. В. (№ 122).

Нач.: «Мати свѣта Многопѣта Небесь оздобо»...

1) Въ рукоп. Виленск. Публ. Библ. нач. XVIII в. № 289 (15) сохранились слѣдующіе остатки акростиха: ІЕРѢДИМІКѢН ѢВІГАРѢ ДѢСИМЧѢ. лл. 22—23.

- 7) Пѣснь Престѣй Бѣѣ, въ Обители Тригорской Ч. С. В. В. Благодатми Сіающей. (№ 124).
Нач.: «Тройцы четцы хрістіане грядѣте нынѣ»...
- 8) Пѣснь Престѣй Бѣѣ въ Обители Зимнянской Ч. С. В. В. Благодатми сіающей. (№ 126).
Нач.: «Лѣти давну з чудесь славну вси ублажаймо»...
- 9) Пѣснь а бѣженному Сщѣнномѣку Іосафату Архіепіскопу Полоцкому и Вѣтепскому (№ 146).
Нач.: «Злату трубу, словесь губу»...
- 10) Пѣснь а. Стѣгелю Хрѣтову Оцу Василю Великому Архіепішу Кесаріи Капподокійскія. (№ 180).
Нач.: «Соберитесь з вселенныя вся»...
- 11) Пѣснь а на Рождество С. Іоанна Предтечи и Крестителя Гня. (№ 198).
Нач.: «Всмірнаго днесь начало Веселія возсіало»...
- 12) Пѣснь в. на Рождество С. Іоанна Предтечи и Крестителя Гдня (№ 199).
Нач.: «Искапайте горы днесь сладость»...
- 13) Пѣснь а. Стѣмъ Верховнымъ Апломъ Петру и Павлу (№ 200).
Нач.: «Пресвѣтлыя князи церковныхъ соборовъ»...
- 14) Пѣснь о суетѣ міра (переводъ латинскаго гимна: «Qui mundum probe poscit de mundo nihil poscit»... помѣщеннаго выше подъ № 208) *истомованная* инокомъ Ч. С. В. В. (№ 209).
Нач.: «Кто добръ свѣтъ познаеть, ничтоже въ немъ желяеть»...

На польскомъ языкѣ монахами базилианами сложены слѣдующія пѣсни (подписаны: «dzieło zakonnika Bazyliana»).

- 1) Pieśń II na wielki Piątek. O męce Pana Jezusa (№ 46).
Нач.: «Ach wypłynicie oczy ze łzami»...
- 2) Pieśń Najsświętszey Maryi Pannie Cudotworney w Monasterze Zahorowskim Zakonu Świętego B. W. (№ 119).
Нач.: «Naymilsza niebios i ziemi ozdobo»...
- 3) Pieśń Nays. Maryi Pannie, w Monasterze Krzemienieckim Z. S. B. W. Cudami i łaskami słyńącey (№ 121).
Нач.: «Królowo niebios, Pani»...
- 4) Pieśń Nays. Maryi Pannie w Monasterze Białostockim Z. S. B. W. Łaskami słyńącey; (№ 123).
Нач.: «Boga wierni hołdownicy»...
- 5) Pieśń Nays. Maryi Pannie w Monasterze Zahaieckim Z. S. B. W. Łaskami słyńącey. (№ 125).
Нач.: «Zrządło Łask, wzorze Cnót, Nieba Ozdoba»...
- 6) Pieśń 2. Błogosławionemu Iozafatowi Męczennikowi (№ 147).
Нач.: «Nowa Jutrzenko w Zachodzie wschodząca»...
- 7) Pieśń do S. Onufrego Pustelnika, w Klasztorze Lubarskim Z. S. B. W. znakomitemi Cudami i Łaskami słyńącego (№ 197).
Нач.: «Od Boga nam za Patrona łaskawie zrzadzony»...
- 8) Pieśń o śmierci (латинскій гимнь: «Moriendum hoc est certum lex est immutabilis»... Адама Казимира Старжиновскаго, Плоцкаго каноника, помѣщенный подъ № 229 и переложенный монахомъ базилианомъ) № 230.
Нач.: «Umrzeć trzeba, to rzecz pewna, Ustawa niewzruszona.

Кромѣ того отмѣтимъ еще одинъ образецъ духовной поэзіи, вошедшій въ «Богогласникъ», но не принадлежащій духовному лицу: это—

Pieśń 4 do świętego Oycy Bazylego W. Dzieło Wielmożnego Grzegorza Iwaszka, Woyskiego Owruckiego (№ 183)

Нач.: «Bazylego, a wielkiego Boskiego sługi
Są w Syonie, Boskim Tronie wielkie zasługi»...

Къ этому списку авторовъ псалмъ можемъ добавить очень немного, ибо авторы и переводчики въ огромной массѣ не любили называть себя.

Въ томъ же «Богогласникѣ», подъ № 228 читается положенное на ноты стихотвореніе:

«Ахъ ушли жь моя гѣта,
Якъ вихорь с круга свѣта»...—

которое принадлежитъ Гр. Сав. Сквородѣ, извѣстному малорусскому философу.

Изъ другихъ малорусскихъ авторовъ популярныхъ виршъ религіознаго содержанія, вошедшихъ въ печатные и рукописные Богогласники назовемъ слѣдующихъ: Иеродіаконъ Герасимъ составилъ «Пѣснь образу прѣтѣя бѣы Іверскія како егѡ украси Никонъ стѣйшій патріархъ россійскій» (рукоп. И. Публ. Б. Q. XIV, № 25 л. 108 об. и др.).

Нѣкто о. Спиридонъ Яхимовичъ чину св. Василя В. переложилъ «отъ латинска діалекта» пѣснь св. Бернарда о Пресвятой Дѣвѣ Маріи: «Omne die dic Mariae tua laudes anima»¹⁾.

Бакаляръ Шепетовскій Симеонъ Малишевичъ сочинилъ пѣснь Страстямъ Христовымъ²⁾.

1) Рукоп. Виленск. Публ. Б. № 233 (15) около 1741 г., л. 98. Добрянскій, Описание рукоп. В. П. Б., стр. 333.

2) Рукоп. Вид. П. Б. № 234 (16) XVIII в., л. 40 об. Добрянскій, тамъ же стр. 384.

Stanford University Libraries

3 6105 012 198 318

PG
3917
P4
V. 2

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D MAR 02 1996

28D JUL 23 1996

28D MAR 30 1996

AUG 19 1996

28D APR 25 1996

28D SEP 1 1996

28D MAY 23 1996

28D OCT 17 1996

MAY 2

28D NOV 10 1996

28D JUN 24 1996

28D DEC 09 1996

DEC 09 1996

